

ТЕНЬ СОСНОВАТЕЛЯ

ВЛАД ВЕЛИРСКИЙ

Влад Велирский

Тень сооснователя

«Автор»

2026

Велирский В.

Тень сооснователя / В. Велирский — «Автор», 2026

За шесть дней до голосования о судьбе промышленной компании аудитор Ася Лунёва приезжает в Дом Контур — бывшую водонапорную станцию, превращённую семьёй владельцев в жильё, архив и систему управления. Дом узнаёт её старую метку, запирает двери и говорит голосом Матвея Корины, сооснователя, исчезнувшего три года назад. Семья уверяет, что Матвей оставил последнюю волю. Но автономные часы отстают на сто семнадцать минут, физические реле срабатывали не в том порядке, а подлинные подписи стоят на контейнерах, которые когда-то были пустыми. Чтобы отделить решение пропавшего человека от монтажа живых, Асе придётся раскрыть собственную тайную встречу с Матвеем, проверить каждый след и лишить Дом права говорить за тех, кто ещё способен ответить сам. «Тень сооснователя» — психологический триллер о семейной власти, корпоративной памяти и цене проверяемой правды.

© Велирский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Выключенное окно	6
Глава 2. Акт без приложения	11
Глава 3. Место за столом	17
Глава 4. Два часа «Эха»	24
Глава 5. Чужая уверенность	30
Глава 6. Слепая лестница	36
Глава 7. Первичная копия	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Влад Велирский

Тень сооснователя

От автора

Отсутствующий человек иногда занимает в комнате больше места, чем присутствующие. Его фразы повторяют как правила, его привычками объясняют решения, а несогласие с ним называют предательством — даже если спросить самого человека уже невозможно. Чем меньше остаётся проверяемых свидетельств, тем легче память превращается в должность, которую кто-то присваивает себе.

«Тень сооснователя» — роман о такой должности. В центре истории не призрак и не разумный дом, а люди, документы и инфраструктура, способная долго исполнять заранее заданные команды. Свет включается по сценарию, дверь закрывается реле, запись звучит в назначенный момент. Значение этим действиям придают живые — и они же решают, какие журналы показать, какие ошибки назвать необходимостью и кому позволить говорить от имени прошлого.

Это честный детектив: важные ответы подготовлены наблюдаемыми деталями. Однако улика не обязана сразу иметь верное объяснение. Аппаратная подпись подтверждает происхождение команды, но не добросовестность цели; точная запись времени бесполезна, если часы идут неверно; искреннее воспоминание может быть неполным. Героине придётся проверять не только чужие версии, но и собственную, не заменяя сомнение покорностью перед тем, кто говорит увереннее.

Компания «Северный Контур», город Ладожск, Дом Контур, его система и все персонажи вымышлены. Описанные процедуры аудита, цифровой проверки и корпоративного управления служат сюжету и не являются профессиональной рекомендацией. Для чтения достаточно одного правила: различать то, что произошло, то, что удалось доказать, и то, во что кому-то очень нужно поверить.

Глава 1. Выключенное окно

На последнем повороте дорога поднялась над ельником, и Дом Контур показался целиком.

Старая водонапорная башня стояла на каменном уступе, тяжёлая и почти чёрная от дождя. К ней пристроили два стеклянных крыла, соединили их переходами, прорезали кирпич узкими окнами. В сумерках окна горели ровной сеткой — три ряда по двенадцать, — и только одно, высоко в башне, оставалось тёмным.

Ася пересчитала ряды дважды.

— Матвей называл его выключенным окном, — сказал Илья, не отрывая взгляда от мокрой дороги. — Хотя там нет комнаты. За ним лестничная площадка.

Он произнёс имя легко, как произносил его всякий раз, когда хотел заранее объяснить странность семьи. Матвей выбрал участок. Матвей сохранил башню. Матвей придумал, чтобы дом узнавал своих. Человек исчез четырнадцать месяцев назад, но в рассказах Ильи по-прежнему первым входил в каждую комнату.

— Почему не включают? — спросила Ася.

— Не знаю. Мама считает, так дом выглядит завершённым.

Дворники смахнули воду, и на секунду в лобовом стекле возникло чистое отражение её лица. Ася увидела неуверенно застёгнутую верхнюю пуговицу пальто и поправила воротник. В папке у ног лежали письмо совета директоров, перечень документов и её заключение о границах проверки. Последний лист она перепечатала утром: «Исполнитель не участвует в принятии корпоративных решений и не подтверждает юридическую силу наследственных распоряжений». Формулировка была сухой, почти успокаивающей.

— Мы можем развернуться, — сказал Илья.

— За семь минут до приезда?

— За семь минут до семейного ужина. Проверка начнётся завтра.

— Если я развернусь сейчас, завтра она не начнётся.

Илья улыбнулся одними губами. Последнюю неделю он предлагал ей отказаться так, будто отказ был услугой ему, а не признанием её зависимости. Совет хотел внешнего аудитора. Раиса Берест хотела человека, которого можно посадить за семейный стол. Илья предложил Асю, не спросив, удобно ли ей оказаться обеими сразу.

— Я просто напоминаю, что выход есть.

Ася посмотрела на дом. Между створками ворот не было будки, цепи или видимого охранника. Латунная пластина на столбе вспыхнула белым, когда машина приблизилась. Ворота разошлись бесшумно.

— Пока есть, — сказала она.

У главного входа Илья заглушил двигатель, но свет в салоне не зажёгся. Дом нависал над площадкой, и дождь стекал с его плоских козырьков отдельными тяжёлыми нитями. Вблизи стеклянные стены переставали казаться прозрачными: за ними отражались башня, мокрые ели и они сами, две тёмные фигуры у машины.

Илья достал из бардачка кожаный футляр.

— Твой жетон. Временный, до воскресенья.

Внутри лежал плоский латунный круг с узкой прорезью. На обороте лазером было нанесено: «Гость 07». Цифра показалась Асе знакомой раньше, чем она успела понять почему.

— Их не переписывают? — спросила она.

— Переписывают доступ. Железки старые. Матвей заказывал первую партию ещё для заводской проходной.

Она взяла круг за ребро. Металл был тёплым, словно футляр лежал не в холодной машине, а в кармане. У входа находились два считывателя: новый чёрный прямоугольник на стекле и ниже — потёртая латунная шайба. Илья приложил свой жетон к нижней. За дверью по очереди включились три полосы света, обозначая путь в глубину холла.

— Сначала старый контур, потом новый, — пояснил он. — Если чёрный не видит метку, система всё равно знает, кто вошёл.

— Удобно для аварийного режима.

— Удобно для Матвея.

Ася приложила жетон.

Внутри стены щёлкнуло реле. Не электронный писк, а отчётливый механический звук. Свет над ними стал ярче, дверь отошла, и женский голос без интонации произнёс:

— Добрый вечер, Асия Викторовна. Гостевой маршрут восстановлен.

Илья замер под козырьком.

Ася не сразу убрала руку. Полное имя стояло в её старом паспорте и в договорах, но последние десять лет она представлялась Асей. В письме совета было написано именно так. В анкете, которую заполнял Илья, — тоже.

— Ты уже бывала здесь? — спросил он.

— Нет.

Ответ получился быстрым, но не настолько, чтобы его нельзя было принять за удивление.

— «Маршрут восстановлен» означает, что метка была в архиве, — сказал Илья. — Наверное, Тимур перенёс данные из твоей анкеты в старую карточку.

— С моим паспортным именем?

Он потянул дверь на себя, хотя автоматика уже держала её открытой.

— Утром спросим.

Холл пах мокрым камнем, древесным маслом и едва заметно — нагретой проводкой. Старый круглый резервуар башни прорезал здание насквозь; вокруг него шла галерея с латунными перилами. В нишах горели матовые лампы. Ни одной картины, ни одной фотографии, но на стенах висели небольшие экраны, похожие на таблички у кабинетов. На ближайшем светилось: «И. Берест — прибыл. А. Лунёва — прибыла».

Буквы сменились прежде, чем Ася подошла.

«ГОСТЬ 07. ОЖИДАЕТ СООБЩЕНИЕ».

— Илья.

Он уже видел. Поставил чемодан и коснулся экрана, но тот не отозвался.

— Эхо, открыть сообщение гостя семь.

Свет в холле приглушился. На круглом кирпичном простенке, где секунду назад не было ничего, опустился белый экран. Проектор включился где-то над галереей. Изображение сперва рассыпалось серыми квадратами, затем собралось в лицо мужчины.

Матвей Корин сидел слишком близко к камере. Седина на висках казалась почти белой, левый глаз щурился от света. За спиной угадывались жалюзи переговорной и край заводской схемы. Ася знала эту схему. Знала серую царапину на нижней планке. Знала, что за кадром справа стояла стеклянная банка с карандашами, а один карандаш был обломан и обмотан синей изолентой.

Она увидела всё это раньше, чем услышала голос.

— Асия Викторовна, если вы всё-таки приехали, значит, чужая уверенность снова показала вам убедительнее собственного сомнения.

Матвей сделал паузу. В записи что-то тихо ударило о стол.

— Не верьте красивой последовательности. Сначала найдите первичную копию. И не позволяйте Илье отвечать за вас.

Экран побелел и поднялся. Свет вернулся не сразу: сперва дорожка к лестнице, затем лампы у входа, последней — ниша, в которой стояли Ася и Илья.

Дождь за стеклом стал слышнее.

— Когда это записано? — спросил Илья.

Ася смотрела на пустой кирпич. Четырнадцать месяцев назад Матвей сидел напротив неё в переговорной «Северного Контура» и вертел между пальцами обломанный карандаш. Он не называл встречу встречей. Попросил семнадцать минут, закрыл жалюзи и положил на стол лист с названием фирмы, которого она раньше не видела. Потом сказал почти то же самое — про чужую уверенность. Только адресовал эти слова не ей.

На следующий день он исчез.

— Ася?

— До нашего знакомства, — сказала она.

Это было правдой, если знакомством считать вечер, когда Илья впервые пригласил её на кофе. До него оставалось ещё три недели.

— Он знал, что ты приедешь в дом. Знал моё имя. И велел не давать мне отвечать за тебя.

— Он мог подготовить несколько сообщений для аудиторов.

— С паспортным именем каждого?

Илья повторил её вопрос у двери, и от этого он прозвучал обвинением.

Из бокового коридора донёсся стук каблучков. Ася успела увидеть, как на лице Ильи удивление уступило привычной сдержанности. Он поднял её чемодан.

Раиса Берест вошла в холл без спешки, высокая, в сером платье с застёгнутым воротом. На шее у неё висел такой же латунный жетон, но без номера. Она посмотрела сперва на погасший проектор, потом на Асю.

— Дом иногда путает ожидание с приглашением, — сказала Раиса. — Особенно когда долго пустует нужное место.

— Сообщение было адресовано Асе, — сказал Илья.

— Значит, не пустовало.

Раиса протянула руку. Её ладонь была сухой и холодной.

— Добро пожаловать в Контур, Асия Викторовна. Простите, что он вспомнил вас раньше нас.

Ася пожала руку.

— Я здесь впервые.

— Разумеется.

Раиса не улыбнулась, но в её голосе не было недоверия. Хуже: только вежливое согласие человека, который уже отложил услышанное в нужную папку.

Комнату Асе отвели в северном крыле. До неё шли по коридорам, которые меняли ширину без видимой причины. Иногда кирпич башни выступал из стены, заставляя обходить плавную дугу. Лампы зажигались впереди Раисы и гасли позади Ильи. На перекрёстках маленькие экраны показывали стрелку и имя гостя.

— Эхо строит маршрут по допускам, — объяснила Раиса. — Не пытайтесь запоминать все переходы в первый вечер.

— Я предпочитаю знать, как выйти из здания.

— Тогда запоминайте лестницы, а не свет.

У двери комнаты экран показал: «ГОСТЬ 07. СЕВЕРНАЯ 3». Ниже шёл мелкий текст: «Ночной режим — 23:40. Ручной вызов — клавиша справа».

Ася коснулась клавиши. Та прогнулась с настоящим щелчком.

— Кого она вызывает?

— Дежурного, — ответила Раиса.

— Сегодня Тимура, — одновременно сказал Илья.

Они посмотрели друг на друга.

— Сегодня никого, — поправилась Раиса. — Тимур уехал на завод. Вызов переходит на мой терминал.

В комнате было всё, что обещала фотография на сайте компании: узкая кровать, стол, шкаф, душевая за матовым стеклом. Только окно оказалось не обычным, а внутренним — оно выходило на тёмную шахту башни. На противоположной стене, в нескольких метрах, виднелась лестничная площадка и то самое выключенное окно. Его стекло отражало комнату Аси, уменьшая её до освещённого прямоугольника.

Раиса оставила на столе папку.

— Здесь правила дома и программа голосования. Документы проверки получите утром в архиве. Оригиналы не покидают Контур.

— Это условие совета или ваше?

— Условие сохранности.

— Значит, ваше.

Илья поставил чемодан у шкафа громче, чем требовалось. Раиса перевела взгляд на сына.

— Ужин через двадцать минут. Мы не будем обсуждать пакет без Марины.

Когда она ушла, свет в коридоре погас до того, как закрылась дверь.

— Ты знала Матвея, — сказал Илья.

Ася расстегнула пальто и повесила его на спинку стула. Крючок в прихожей был слишком близко к считывателю, и ей не хотелось оставлять рядом жетон.

— Я видела его на отраслевых встречах. Как и половина аудиторов города.

— Он записал тебе сообщение.

— Кто-то привязал моё имя к старой метке и файлу. Это пока единственный установленный факт.

— А фраза про знакомство?

— Её произнёс ты.

Илья отвёл взгляд к внутреннему окну. В отражении они стояли рядом, но между отражениями проходила чёрная линия рамы.

— Хорошо, — сказал он. — До утра считаем, что это ошибка системы.

— До утра мы ничего не считаем.

Он кивнул. Так Илья соглашался с ней на работе и не соглашался дома.

На ужине говорили о погоде, о закрытом мосте через Ладогу и о задержке заводской смены. Имя Матвея не произнесли ни разу. Марина не приехала. Раиса сидела во главе стола, Илья напротив Аси, а четвёртый прибор оставался нетронутым. В половине десятого Ася сослалась на дорогу и вернулась в комнату.

Она заперла дверь изнутри и разложила на столе бумаги. Первым записала время прибытия: 19:12. Потом маркировку жетона, слова системы и точную последовательность включения света. Фразу Матвея она восстановила без труда. Рука остановилась перед словами «до официального знакомства».

Ася зачеркнула их, хотя они были не в записи, а только в её памяти о разговоре с Ильёй.

Из сумки она достала старый блокнот. Обложка размокла ещё прошлой осенью и выгнулась по краям. Записи за дни исчезновения Матвея начинались с перечня встреч, но лист между вторником и четвергом был вырван. Ася знала об этом. Сама вырвала его три года назад, когда готовилась к дисциплинарной комиссии по другому делу, и всё же каждый раз проверяла корешок, словно бумага могла вернуться.

В 23:40 лампа над кроватью мигнула. Экран у двери показал: «НОЧНОЙ КОНТУР АКТИВЕН».

Ася взяла жетон и подошла к выходу. Ручка опустилась на четверть хода и упёрлась.

Она попробовала снова, медленнее. Внутри двери что-то удерживало язычок замка. На экране появилась строка: «ПОМЕЩЕНИЕ ЗАЩИЩЕНО ДО 06:30».

Ася нажала клавишу ручного вызова. Один щелчок. Второй. Ответа не было.

— Эхо, открыть дверь.

Экран сменил текст:

«КОМАНДА НЕ ПРЕДУСМОТРЕНА ГОСТЕВЫМ МАРШРУТОМ».

Она приложила жетон к считывателю. За стеной отозвалось реле — то самое, механическое, слышимое. Замок не открылся.

Ася не стала кричать. Достала телефон: сеть была, но на месте имени Ильи высветился значок пропущенного соединения. Она набрала снова. Гудков не последовало.

На внутреннем окне её отражение стояло в ярком прямоугольнике комнаты, а за ним темнела лестничная площадка. Теперь выключенное окно выглядело не отсутствующим. Оно выглядело закрытым глазом.

Ася вернулась к столу и приписала под временем прибытия:

«23:40. Штатная блокировка по гостевой метке 07. Ручной вызов не отвечает. Команда выхода отсутствует».

Затем положила жетон поверх строки, чтобы утром никто — прежде всего она сама — не смог назвать случившееся впечатлением.

Глава 2. Акт без приложения

В 23:47 Ася перестала нажимать клавишу вызова.

Кнопка исправно уходила в стену, за панелью щёлкал контакт, но экран больше не менялся. Телефон показывал сеть и не соединял ни с Ильёй, ни с номером, подписанным в памятке как «дежурный терминал». Отправленное сообщение застыло с серым значком. Это могло быть следствием плохой связи внутри башни. Или отдельным правилом ночного контура. Пока оба объяснения стоили одинаково мало.

Ася сняла с кровати покрывало, свернула его валиком и прижала к щели под дверью. Потом выключила свет. Из коридора пробивалась тонкая белая полоса — значит, пожарное освещение работало. Запаха дыма не было, воздух из решётки над шкафом шёл ровно. Аварийная блокировка при пожаре выглядела бы преступной нелепостью, но разумность устройства не являлась доказательством его режима.

Она включила диктофон.

— Двадцать три часа пятьдесят две минуты. Комната «Северная три». Дверь не открывается изнутри. Голосовой команды выхода нет. Ручной вызов подаёт местный сигнал, ответа нет. Признаком пожара и прекращения вентиляции не наблюдаю.

Произнесённое вслух успокоило не её, а ту часть сознания, которая уже готовилась утром доказывать, что ночь действительно случилась.

На памятке Раисы был схематичный план комнаты. Красным обозначались огнетушитель, датчик дыма и «ручной аварийный сброс». Последний значок находился у пола за второй внутренней окном. Ася отёрнула плотную ткань и увидела латунную дверцу размером с ладонь. Пломба отсутствовала. Под крышкой оказался не рычаг, а квадратное гнездо с надписью: «ТОЛЬКО СЛУЖЕБНЫЙ КЛЮЧ».

Ася сфотографировала крышку и вернулась к двери. Над ручкой крепилась узкая декоративная накладка. Один её винт был новым, второй потемнел. Если ночной контур запирает дверь электромагнитом, обесточивание должно было отпустить полотно. Но из стены при каждом прикладывании жетона отзывалось механическое реле, а ручка упиралась так, будто за ней двигался обычный ригель.

Она не стала разбирать чужой замок ножом из дорожного набора. Проверка, начатая с повреждения имущества заказчика, обычно заканчивалась обсуждением не того нарушения.

В 00:06 на противоположной стороне шахты загорелся свет.

Выключенное окно стало прозрачным. За ним появилась лестничная площадка, кусок кирпичной стены и мужчина в рабочей куртке. Он спускался, глядя не под ноги, а на переносной прибор с зелёным экраном. Ася постучала по стеклу. Мужчина поднял голову, резко остановился и сделал шаг назад.

Она показала на дверь, затем обеими руками изобразила запертую ручку. Он подошёл к стеклу. На нагрудном кармане куртки белела нашивка «Т. САВИН».

Мужчина что-то сказал. Толстое стекло не пропустило ни звука.

Ася подняла телефон и крупно набрала в заметках: «КОМНАТА ЗАПЕРТА. ВЫЗОВ НЕ РАБОТАЕТ».

Он прочёл, нахмурился и показал ей раскрытую ладонь: ждать. Потом приложил к стене собственный жетон. Свет на площадке погас. Окно снова превратилось в зеркало.

Через три минуты у двери послышались шаги. Не торопливые — осторожные, с паузой у каждого ответвления. Экран мигнул, вывел строку «СЛУЖЕБНЫЙ ДОСТУП», но замок не открылся.

— Асия Викторовна? — донёсся мужской голос. — Отойдите от двери.

— Представьтесь.

— Тимур Савин, инженер систем. Вы меня только что видели.

— Откройте ручную. И не отключайте питание до осмотра состояния.

За дверью помолчали.

— Хорошо. Но будет громко.

Металл заскрежетал у самого пола. Тимур, видимо, вставил служебный ключ в такое же квадратное гнездо со стороны коридора. После двух оборотов внутри двери тяжело переместился ригель. Ручка под рукой Аси опустилась полностью.

Она открыла дверь на ширину ладони. Тимур Савину было около сорока; мокрые волосы прилипли ко лбу, на плече темнело пятно от дождя. В одной руке он держал Г-образный ключ, в другой — прибор, который Ася видела через окно.

— Вы должны были быть на заводе, — сказала она.

— Был. Вернулся проверить провал линии. Ваш вызов увидел только на сервисном пульте в башне.

— А терминал Раисы?

— Не мой участок.

Он попытался прикрыть дверцу у пола. Ася удержала её носком туфли.

— Сначала фиксируем положение.

— Что именно?

— Всё, что вы собирались вернуть в норму.

Тимур посмотрел на неё с раздражением человека, которого застали не за нарушением, а за привычкой. Потом присел и направил фонарик внутрь. В нише находился серый цилиндр с квадратным хвостовиком, два концевых выключателя и ряд клемм. На ближнем выключателе горел красный светодиод.

— Ригель был выдвинут, — сказал он. — Теперь снят ключом.

— Из-за аварии?

— При аварии он втягивается. Здесь замки с безопасным отпуском.

— Значит, команда штатная.

— Ночной сценарий штатный. Запирать гостя изнутри — нет.

Ася включила диктофон и положила телефон на пол экраном вверх.

— Повторите, пожалуйста.

— Я не давал согласия на запись.

— Тогда напишите акт осмотра.

— Сейчас половина первого.

— Именно поэтому состояние ещё можно установить.

Тимур провёл ладонью по лицу. На его пальцах осталась тонкая полоска машинной пыли.

— При потере питания замок отпускает дверь, — отчётливо сказал он. — При пожарном сигнале тоже. Здесь была исполнена команда закрытия на исполнительный привод. Источник команды посмотрим по журналу. Этого достаточно?

— Для начала. Кто изменял сценарий?

— Не знаю.

— Кто мог?

— Это другой вопрос.

Он вынул из кармана сложенный бланк наряда и на обороте записал время, номер комнаты, положение ригеля, способ ручного открытия. В строке «причина» поставил: «Команда ночного контура; происхождение не установлено». Подписался и протянул лист Асе.

— Копии нет.

— Сфотографируйте. Оригинал должен остаться у меня.

— Почему?

— Потому что я обслуживаю систему и отвечаю за журнал работ.

— А я была внутри неё.

Несколько секунд они держали лист каждый за свой край. Тимур отпустил первым.

— Утром внесу в журнал. Только не называйте это ловушкой, пока не увидели конфигурацию. Старые сценарии писались для пустых комнат хранения. Северное крыло раньше не было жилым.

— Когда его перепланировали?

— Семь лет назад.

— А гостевой маршрут восстановили вчера?

Он взглянул на жетон в её руке.

— Номер семь не выдавали много лет.

— Кому он принадлежал?

— Утром, — сказал Тимур. — С архивом меток.

Он ушёл по коридору, не дожидаясь ответа. Свет за ним включался отдельными участками, и Ася насчитала четыре щелчка реле. Пятый прозвучал уже после того, как шаги стихли.

Она не вернулась в комнату. Взяла папку Раисы, блокнот и села на скамью напротив двери. В 00:31 экран снова показал «ПОМЕЩЕНИЕ ЗАЩИЩЕНО», хотя ригель оставался снят вручную. Значит, система считала собственную команду выполненной и не проверяла фактическое положение замка. Красивой последовательности хватало самой себе.

До шести Ася спала дважды по двадцать минут, положив папку под голову. В 06:30 экран погас. За стеной сработало реле, и привод безрезультатно попытался втянуть уже втянутый ригель.

Илья появился в семь без четверти, в свитере поверх вчерашней рубашки.

— Почему ты здесь?

— Потому что дверь заперлась изнутри.

— Я звонил.

— Соединения не было.

Он достал телефон. На экране стояли шесть исходящих вызовов, первый — в 23:43.

— Я ходил к Раисе. Её терминал не показывал тревогу. Потом решил, что ты отключила телефон после нашего разговора.

— И лёг спать?

— Я проверил дверь. В половине первого она открывалась.

Ася медленно выпрямилась.

— С какой стороны?

— Из коридора. Экран был зелёным.

— В половине первого Тимур открыл её служебным ключом. Во сколько именно ты приходил?

Илья посмотрел на часы, будто вчерашнее время могло сохраниться на циферблате.

— Не знаю. Около двенадцати двадцати.

— Ты дёргал ручку?

— Нет. Увидел зелёный экран и решил, что всё нормально.

— Экран считал команду выполненной и после ручного открытия.

Он сел рядом. Между ними осталась папка.

— Прости.

Ася ждала продолжения: «я должен был», «я испугался», хотя бы «я ошибся». Илья положил ладонь поверх её пальцев.

— Дом давно не принимал гостей. Тимур разберётся.

Она убрала руку.

— Не дом. Кто-то включил сценарий, который семь лет не должен применяться к жилой комнате.

— Я это и имел в виду.

— Нет. В этом доме слова всё время означают кого-то, кто не обязан отвечать.

К восьми они собрались в круглом кабинете на первом этаже. Стол огибал кирпичную стену башни, поэтому сидящие не видели друг друга одновременно. Раиса заняла место напротив двери. Рядом с ней стоял серый металлический кейс с двумя замками. Тимур сел у сервисного терминала и не поздоровался. Четвёртый стул предназначался Марине, но оставался пустым.

— Ночная ситуация внесена в журнал, — сказала Раиса. — До выяснения Асия Викторовна переедет в южную комнату.

— До выяснения я останусь в той же, — ответила Ася. — Иначе изменится объект проверки.

— Вы приехали проверять наследственный пакет, не электрику.

— Теперь электрика определяет, могу ли я свободно выйти из комнаты, где храню рабочие записи.

Раиса чуть повернула голову к сыну. Илья рассматривал металлический кейс.

— Приступим, — сказала она.

Ключ от левого замка был у Раисы. Правый открыл Илья. Внутри лежали три папки, оптический диск в бумажном конверте и прозрачный пакет с аппаратным ключом — чёрным прямоугольником на коротком кабеле. На пломбе стояла дата: девятое ноября 2010 года, за два дня до исчезновения Матвея.

Раиса вынула верхнюю папку.

— Это акт активации отложенного распоряжения. Совет получил его вчера после фиксации полного состава наследников. Согласно распоряжению, голосование должно состояться в воскресенье.

Ася надела перчатки, лежавшие в кейсе, и пролиستала документ. Девять страниц были пронумерованы «1 из 9» до «9 из 9». На последней стояли фамилии Матвея Корины, нотариуса компании и двух свидетелей. Подпись Матвея была размашистой, с почти горизонтальной буквой «К».

В пункте четвёртом говорилось: «Условия допуска и последствия выбора определяются Приложением А, являющимся неотъемлемой частью настоящего акта».

— Приложение, — сказала Ася.

Раиса подала вторую папку. В ней находились распечатки журнала.

— Сначала происхождение акта.

— Без приложения акт не определяет, за что голосуют.

— Определяет срок и состав участников.

— А последствия — нет.

— Они будут предъявлены системой после личной идентификации всех наследников.

— Где это написано?

Раиса коснулась четвёртого пункта ногтем.

— В условиях допуска.

— Которых здесь нет.

Илья взял акт у Аси и перечитал страницу. Его лицо не изменилось, но большой палец дважды прошёлся по пустому краю, где обычно ставили отметку о количестве приложений.

— Мама, мы обсуждали один пакет, — сказал он.

— Вы и получили один пакет.

— С приложением.

— Я не вскрывала контейнер до вчерашнего дня.

— Тогда откуда ты знала, что голосование будет в воскресенье?

Раиса посмотрела на него без раздражения.

— Матвей оставил устные инструкции совету.

— За день до исчезновения? — спросила Ася.

— На протяжении нескольких месяцев.

— Протоколы заседаний?

— Вы увидите их в архиве.

Ася вернула акт на стол.

— До получения Приложения А я могу подтвердить только существование девяти листов, пломбы и набора подписей. Не цель голосования и не условия наследования.

— Вас пригласили установить подлинность пакета.

— Подлинность неполного пакета.

Раиса придвинула к ней журнал. Первая распечатка содержала перечень файлов, время их помещения в контейнер и длинные строки контрольных значений. Последняя колонка называлась «КЛЮЧ ПОДПИСИ». Во всех строках стояло: `МК-HW-01`.

— Старый аппаратный ключ Матвея, — сказал Тимур. — Не пользовательский пароль. Подпись проверена вчера на автономном модуле.

— Тем ключом, который лежит в пакете? — спросила Ася.

— Нет. Это резервный экземпляр. Рабочий ключ был у Матвея.

— После исчезновения его нашли?

— Нет.

— Тогда кто подписал журнал?

Раиса ответила раньше инженера:

— Матвей. Девятого ноября.

Ася провела пальцем по строкам. Время у файлов различалось на секунды: 18:04:11, 18:04:17, 18:04:23. Ровный шаг, машинная загрузка. Но названия были разными: акт, реестр наследников, сценарий допуска, таблица последствий. Четыре объекта. В кейсе лежал только акт. На месте приложения в распечатке значился файл `A\_USLOVIYA.enc`, размер — сорок восемь килобайт.

— Оно существовало, — сказал Илья.

— Файл с таким названием был внесён в контейнер, — поправила Ася. — Это не одно и то же.

— И подписан Матвеем, — добавила Раиса.

— Подписан ключом `МК-HW-01`. Пока мы не установили, где ключ находился и что именно подписывает эта процедура.

Тимур поднял глаза от терминала.

— Процедура подписывает контрольное значение файла.

— В момент помещения?

— Да.

— Или контейнер принимает заранее подписанное значение?

В комнате стало тихо. За кирпичной стеной включился насос отопления, и по столу прошла лёгкая дрожь.

— Это надо смотреть в старой документации, — сказал Тимур.

Раиса закрыла кейс, хотя две папки ещё лежали на столе.

— Вы превращаете техническую формальность в подозрение.

— Нет. Я отделяю формальность от вывода.

— Вы всегда так делаете после того акта?

Илья резко повернулся к матери.

Ася почувствовала знакомое движение внутри: память предлагала белый кабинет, красную печать и фамилию, которую она три года запрещала себе произносить без необходимости. Раиса знала, куда нажать. Значит, знала и то, что Ася попытается скрыть боль неподвижностью.

— Именно после него, — сказала Ася.

Она взяла чистый лист и написала заголовок: «Предварительный акт осмотра пакета». Ниже перечислила девять листов, диск, резервный аппаратный ключ и две распечатки журнала. Отдельной строкой: «Приложение А, названное неотъемлемой частью акта, при осмотре не предъявлено». Затем: «Журнал содержит идентификатор ключа `МК-NW-01`; принадлежность ключа не доказывает время и лицо, выполнившее операцию, без проверки процедуры подписи и первичного носителя».

— Подпишите получение замечаний, — сказала она.

Раиса прочла текст.

— Я не согласна с формулировкой.

— Подпись подтверждает получение, а не согласие.

— Вы приехали в мой дом и с первой ночи создаёте бумагу против него.

— Дом не сторона проверки.

Раиса взяла ручку. Подписала полным именем, указала время и вернула лист.

В тот же миг терминал Тимура коротко пискнул. На экране появилась новая строка журнала. Инженер подался вперёд.

— Что там? — спросил Илья.

Тимур не ответил. Он развернул монитор к столу.

`08:19:06 МК-NW-01 ЗАПРОС ПРИЛОЖЕНИЯ А ГОСТЬ 07 ОТКЛОНЁН`.

Ася посмотрела на аппаратный ключ, запечатанный в прозрачном пакете. Пломба оставалась целой.

— Восемь девятнадцать, — сказала Раиса. — Значит, Матвей предусмотрел и этот вопрос.

На часах над дверью было десять шестнадцать.

Глава 3. Место за столом

К полудню дождь превратился в мелкую серую взвесь. За стеклянной стеной круглого кабинета мокли голые яблони, а на терминале Тимура по-прежнему стояли два времени: системное и то, которое он вписал вручную в акт осмотра.

— Не трогайте строку, — сказала Ася, когда он потянулся к клавиатуре.

— Я собирался выгрузить журнал.

— На отдельный носитель, с контрольной суммой и при свидетелях.

Тимур откинулся на спинку стула.

— Вы так разговариваете, будто я уже что-то стёр.

— Я разговариваю так, чтобы потом никому не пришлось доказывать, что вы не стирали.

Раиса закрыла металлический кейс и повернула оба ключа. Один вернула Илье, второй надела на тонкую цепочку под воротником.

— До приезда Марины никаких действий с пакетом не будет, — сказала она. — Ужин в семь. К тому времени Тимур подготовит техническое объяснение.

— Не объяснение, — возразила Ася. — Копию исходных данных.

— В нашем доме ужин означает присутствие семьи, Асия Викторовна. Вы приглашены как специалист Ильи. Не превращайте каждую фразу в протокол.

Ася посмотрела на часы над дверью. Десять двадцать три. На терминале последняя команда по-прежнему значилась восемью двадцатью шестью. Разница сохранялась, но одного наблюдения было мало. Можно было неверно выставить часы, неверно подписать поле, неверно понять назначение колонки. Она записала оба значения и ничего не сказала.

В коридоре Ильи догнал её у лестницы.

— Ты останешься до ужина?

— Я останусь до инвентаризации пакета.

— Марина превратит это в спор о продаже. Она всегда так делает.

— А ты во что превратишь?

Он взялся за перила и не ответил сразу. Внизу, под лестничным пролётом, Раиса передавала кейс мужчине из охраны. Тот поставил его в стенную нишу, закрыл стальную дверцу и приложил жетон. Где-то внутри башни дважды щёлкнуло.

— Я хочу понять, чего хотел Матвей, — сказал Ильи.

— Ты хочешь, чтобы решение принадлежало ему.

— Он создал половину компании.

— А вторую половину создали люди, которые сейчас живы.

Ильи поднял взгляд. В его лице появилось упрямство, знакомое Асе по редким ссорам: не злость, а готовность переждать любую формулировку, пока она не станет удобнее.

— Если приложение настоящее, мы обязаны хотя бы его выслушать.

— Сначала его надо найти.

— Система найдёт.

— Система уже ответила отказом от имени ключа, которого здесь нет.

Сверху включилась узкая полоса света. Она пробежала вдоль перил, остановилась у ног Ильи и повела вниз. На стенном экране возникла надпись: «ИЛЬЯ. МАРШРУТ: ЮЖНЫЙ КАБИНЕТ».

Ильи коротко усмехнулся.

— Видишь? Так было с детства. Отец говорил, что Матвей даже опоздания превращал в инженерную задачу.

— Куда тебя ведут?

— Наверное, разбирать бумаги к голосованию.

— Кто назначил встречу?

— Дом знает расписание.

Он произнёс это без иронии и пошёл за световой полосой. Через три ступени обернулся, будто ожидал, что Ася последует за ним. Полоса перед её ногами не появилась.

Ася осталась на площадке. Выключенное окно напротив было днём просто чёрным прямоугольником, лишённым отражения. В стекле соседнего окна она видела Илью, хотя он уже спустился ниже: отражение двигалось по наклонной, пересечённое металлическими связями башни. На секунду казалось, что дом предлагает несколько версий одного маршрута и ни одну нельзя назвать основной.

Она вернулась в северную комнату, закрыла дверь, но не заперла. Экран показывал зелёный контур. На столе лежал лист с отпечатком латунного жетона, оставленным ночной сыростью. Ася вложила его в прозрачный файл и открыла блокнот.

До вечера она составила перечень того, чего не хватало для проверки: исходной выгрузки журнала; документации процедуры подписи; реестра всех выпущенных жетонов; актов уничтожения и замены меток; схемы считывателей; списка людей с правом изменять сценарии. В отдельной колонке указала не владельцев, а хранителей. Это различие часто исчезало первым. Ключ мог принадлежать Матвею, лежать у Раисы и использоваться Тимуром — три разных факта, которые красивый журнал сливал в одну фамилию.

В половине шестого под окнами вспыхнули фары. Тёмный универсал остановился слишком близко к крыльцу, словно водитель собирался уехать прежде, чем двигатель остынет. Из машины вышла высокая женщина в коротком светлом пальто. Она сама достала из багажника чемодан, отказалась от зонта охранника и поднялась по ступеням, не глядя на башню.

Марина Берест оказалась старше Ильи лет на восемь. Те же светлые глаза, но ни одного лишнего движения. В холле она поставила мокрый чемодан на латунную решётку, сняла перчатки и протянула Асе руку прежде, чем Илья успел их представить.

— Марина. Та самая, ради которой перенесли семейный суд с утра на вечер.

— Ася Лунёва.

— Та самая, ради которой дом впервые за семь лет закрыл жилую комнату.

Илья поморщился.

— Кто тебе сказал?

— Мама. В версии Тимура это называлось «неактуальной привязкой назначения помещения». В маминой — «излишней реакцией приглашённого специалиста». Поэтому я решила спросить саму Асю.

— Дверь заблокировала штатная команда, — сказала Ася. — Причина пока не установлена.

— Уже лучше.

Марина сняла пальто. На плече её тёмного жакета остались капли.

— А приложение нашли?

Раиса стояла у входа в столовую. Ася не заметила, когда она появилась.

— Мы обсудим пакет за столом, — сказала она.

— Значит, не нашли.

— Ты приехала на голосование, а не на ревизию матери.

— Я приехала потому, что Илья отказался сообщить предмет голосования.

— Я сообщил всё, что знал, — сказал он.

— Именно.

Марина взяла чемодан и понесла его к лестнице. Ни одна световая полоса не включилась. У первой ступени она остановилась перед считывателем.

— Мой жетон ещё действует или Матвей и его распорядился отозвать?

Раиса достала из кармана овальную метку на синем шнуре.

— Твоя комната в южном крыле.

Марина приняла жетон, но к считывателю не поднесла.

— Свежий?

— Постоянный.

— Мой постоянный я вернула семь лет назад.

— Это замена.

Ася записала номер, вытисненный на латуни: «Семья 03».

Раиса заметила движение ручки.

— Даже выдачу ключа вы собираетесь включить в акт?

— Пока только в рабочие заметки.

— Тогда запишите: жетон выдан законному члену семьи в собственном доме.

— А старый уничтожен?

— Спросите у Тимура.

Марина положила метку на ладонь Аси.

— Спрашивайте сейчас. Я не хочу, чтобы за ужином присутствовали две мои копии.

Раиса первой прошла в столовую.

Комната занимала бывший резервуар башни. Кирпичные стены уходили вверх, теряясь за кольцами металлических мостков. Стол был круглым, но не цельным: семь отдельных секторов можно было раздвигать и соединять. В центре оставалось пустое восьмиугольное место с матовым стеклом. Над каждым сектором висел плоский светильник, а в край столешницы был встроен узкий экран.

Приборы стояли на пяти местах. Шестой сектор был придвинут к столу, но оставался пустым. Перед ним лежала чёрная салфетка и низкий стакан из дымчатого стекла.

— Его место? — спросила Ася.

Марина прошла к пустому креслу и отодвинула его ногой.

— Оно появилось после исчезновения. При Матвее здесь стоял пульта на колёсах. Он не любил сидеть.

Раиса вернула кресло точно к краю стола.

— Это место основателя.

— Основателей было двое.

— Твой отец никогда не спорил о символах.

— Поэтому теперь его символа нет.

Илья занял кресло справа от пустого. Его экран ожил и показал имя. Затем загорелись имена Раисы и Марины. Перед Асей высветилось: «ГОСТЬ 07. АСИЯ ВИКТОРОВНА». Место Тимура у стены экран не распознало, пока инженер дважды не приложил пластиковую карту.

— Почему я участвую в семейном ужине? — спросил он.

— Потому что вы объясните расхождение времени, — сказала Ася.

— После вступления, — ответила Раиса.

Свет в комнате погас не весь, а по секторам. Осталась освещена только пустая сервировка. В центре стола под матовым стеклом раскрылось изображение эмблемы «Северного Контура»: две линии сходились в незамкнутое кольцо. Из скрытых динамиков прозвучал голос Матвея:

— Если вы собрались все, значит, никто уже не может отложить решение отсутствием.

Марина закрыла глаза на одно короткое мгновение. Илья выпрямился. Раиса не смотрела на пустое кресло; она смотрела на детей.

— До обсуждения каждый назовёт, что готов сохранить, — продолжил голос. — Порядок определит дом. Не перебивайте друг друга. Свет означает право говорить.

Загорелся сектор Ильи.

— Это обязательно? — спросил он.

Экран перед ним вывел: «ИЛЬЯ БЕРЕСТ. СОХРАНИТЬ».

— Матвей просил назвать одно, — сказала Раиса.

Илья посмотрел на Асю, потом на сестру.

— Завод. Не стены и не старые станки. Производство как целое. Людей, конструкторское бюро, линии. Если разрезать компанию, ничего из этого не останется.

Свет погас. На центральном стекле появилось слово «ПРИНЯТО».

— Даже не записано, что именно принято, — тихо сказала Ася.

Тимур наклонился к ней.

— Это демонстрационный сценарий. Он не протоколирует речь.

— Тогда что он принимает?

Инженер не ответил.

Загорелся сектор Марины.

— Я готова сохранить возможность выбирать без покойников и пропавших, — сказала она.

Экран мигнул: «ОТВЕТ НЕ РАСПОЗНАН. ПОВТОРИТЬ».

— Как удобно, — произнесла Марина. — Сохраняю патентный фонд. Продаю всё, что ежегодно съедает его стоимость.

«ПРИНЯТО».

— Ты могла хотя бы раз не начинать с продажи, — сказал Илья.

Его экран остался тёмным. Свет над пустым креслом усилился, и из динамика прозвучало:

— Нарушение порядка лишает аргумент веса.

Илья замолчал. Марина рассмеялась без улыбки.

— Вот почему мама любит семейные ужины. Матвей всё ещё делает ей замечания за столом.

Теперь осветилось место Раисы.

— Я сохраняю единство, — сказала она. — Компании, семьи и решения, которое мы обязаны принять вместе.

Система приняла ответ сразу, будто ожидала именно его.

Ася провела пальцем по краю своего экрана. Список участников был скрыт, но в правом углу стоял маленький знак из двух сходящихся линий и цифра шесть. За столом находились пятеро, если считать Тимура. Она коснулась знака.

Открылось окно: «СЦЕНАРИЙ: СТОЛ ОСНОВАТЕЛЕЙ. УЧАСТНИКИ: 6. ПРИСУТСТВУЮТ: 6».

— Тимур, это число включает служебную карту?

— Не должно. Она даёт мне доступ в помещение, но не роль за столом.

— Тогда почему шесть?

Раиса не повысила голоса:

— Потому что место Матвея является частью сценария.

— Кресло не носит жетон.

Свет над Асей вспыхнул. На экране появилось: «ГОСТЬ 07. СОХРАНИТЬ».

Она не стала отвечать. Коснулась строки участников ещё раз. Теперь система раскрыла сокращённый реестр:

`RB-01 РАИСА БЕРЕСТ СТОЛ`

`IB-02 ИЛЬЯ БЕРЕСТ СТОЛ`

`MB-03 МАРИНА БЕРЕСТ СТОЛ`

`MK-01 МАТВЕЙ КОРИН ДОМ`

`G-07 АСИЯ ВИКТОРОВНА СТОЛ`

`SERVICE ТИМУР САВИН ПОМЕЩЕНИЕ`

Марина встала. Свет над ней не включился, но она больше не ждала разрешения.

— Покажи.

Ася развернула экран насколько позволял шарнир. Илья прочёл строку дважды.

— Его жетон здесь?

— Система считает его находящимся в доме, — сказала Ася. — Это пока всё.

— Семь лет?

— Реестр присутствия не равен истории перемещений.

Тимур уже подключал сервисный планшет к разъёму под столом.

— `МК-01` был мастер-меткой, — сказал он. — Она могла оставаться зарегистрированной без физического жетона.

— Зарегистрированной и присутствующей — одно и то же? — спросила Ася.

— Нет. Для присутствия нужен вход через считыватель или ручная установка роли.

— Кто может установить её вручную?

— Администратор сценария.

— Вы?

— Раньше мог. После исчезновения права разделили.

— Между кем?

Тимур посмотрел на Раису.

Пустой сектор ответил вместо неё. Голос Матвея стал громче:

— Решение, принятое без основателя, должно выдержать его возражение.

На экранах появились три вопроса. «КТО ПОЛУЧИТ КОНТРОЛЬ?» — перед Раисой. «ЧТО БУДЕТ ПРОДАНО?» — перед Мариной. «КТО ОТВЕТИТ ЗА ПОСЛЕДСТВИЯ?» — перед Ильёй.

Перед Асей высветилось: «КТО ПОДТВЕРДИТ ПОДЛИННОСТЬ?»

Она почувствовала, как Илья смотрит на неё. Сценарий не мог знать содержание утреннего разговора, если роль гостя не была подготовлена заранее или изменена после их приезда. Обе возможности требовали человека, времени и доступа. Но за столом вопрос выглядел не как команда оператора, а как реплика отсутствующего. Свет делал происхождение невидимым.

— Я не подтверждаю подлинность вопроса только потому, что он показан в нужный момент, — сказала Ася.

Экран мигнул: «ОТВЕТ НЕ РАСПОЗНАН».

— Она вообще должна быть в этом сценарии? — спросила Марина.

— Гостевой участник предусмотрен, — сказала Раиса.

— Любой гость или именно Асия Викторовна?

— Матвей знал, что однажды семье понадобится независимый свидетель.

Ася посмотрела на неё.

— Откуда система получила моё отчество?

— Илья оформлял приглашение.

— Я ввёл полное имя неделю назад, — сказал Илья. — Но номер жетона не выбирал.

— Кто выбрал?

— Раиса Павловна попросила восстановить старый гостевой маршрут, — сказал Тимур.

Раиса медленно положила ладонь на стол.

— Потому что действующие маршруты ведут только в южное крыло. Ася должна была видеть архив и башню.

— Вы знали, кому прежде принадлежал номер семь? — спросила Ася.

— Гостевые номера не принадлежат людям.

— Но система встретила меня по имени до того, как Илья назвал меня в доме.

— Он внёс данные заранее.

— А обращение Матвея содержало совет не позволять Илье отвечать за меня.

Илья резко отодвинул кресло.

— Ты не сказала про эту часть.

— Я сказала, что запись обращалась ко мне.

— Не всё.

Свет над пустым местом вспыхнул. «НАРУШЕНИЕ ПОРЯДКА» появилось сразу на всех экранах.

Марина выдернула свой жетон из выемки у края стола. Надпись исчезла с её сектора.

— Прекрасно, — сказала она. — Как только разговор становится настоящим, мебель требует тишины.

Она положила метку перед Асей.

— Это замена моего старого жетона. Если старый не уничтожили, дом может сейчас считать и его присутствующим. Проверяйте оба.

— Ужин не закончен, — сказала Раиса.

— Он не начинался. Мы отвечали устройству, которое вы посадили вместо Матвея.

— Это его сценарий.

— Докажите.

Одно слово подействовало сильнее крика. Раиса перевела взгляд на Асю, словно именно она научила дочь произносить его за последние двадцать минут.

Ася закрыла окно сценария и снова открыла реестр. Строка `МК-01` оставалась. Рядом с ней не было помещения, только «ДОМ». Это могло означать метку в кармане Раисы, жетон в запертой нише, ручную роль, незакрытый сеанс семилетней давности или особое правило самого сценария. Пока варианты были равны, никто не имел права выбирать самый удобный.

— До голосования нужна полная инвентаризация меток, — сказала она. — Физические жетоны, номера, владельцы, хранители, даты выдачи, замены и уничтожения. Отдельно — активные роли и незакрытые сеансы присутствия. Начнём с `МК-01`, старой `МВ-03` и `G-07`.

— Это займёт дни, — ответила Раиса.

— Голосование назначено на воскресенье. Сегодня четверг.

— Архив меток не относится к наследственному пакету.

— Относится, если пакет выдаётся и исполняется по жетонам. Сегодня система отказала в приложении для `G-07` и посадила `МК-01` за стол. Без реестра мы не знаем, кто в процедуре человек, а кто оставленная роль.

Илья поднял свой жетон, но не убрал его.

— Сделаем инвентаризацию.

Раиса повернулась к нему.

— Ты понимаешь, что тем самым ставишь под сомнение все допуски дома?

— Пока только те, от которых зависит голосование.

— Нельзя проверить одну дверь и оставить остальные как были. Тимур отключит сценарии, люди потеряют доступ к архиву, на заводе остановится ночная передача журналов.

— Я не предлагала отключать систему, — сказала Ася. — Только выгрузить реестр и сверить его с физическими носителями.

— А если носителя Матвея нет?

— Тогда установим, почему его роль есть.

Раиса посмотрела на пустое кресло. Впервые за весь вечер в её лице было не управление, а короткий расчёт — как у человека, который мысленно перебирает содержимое закрытых ящиков.

— До утра, — сказала она. — Тимур подготовит реестр. Физическая сверка пройдёт здесь, без выноса носителей и копирования личных данных.

— Исходные номера и события доступа должны войти в акт.

— Только относящиеся к голосованию.

— Границы определим после просмотра схемы ролей.

— Вы всегда оставляете за собой последнее условие?

— Нет. Только не подписываю условие, которого ещё не видела.

Марина села обратно, но жетон к столу не вернула. Свет над её сектором не загорелся. Система больше не считала её участницей и, кажется, не знала, что делать с изменившимся составом. На центральном стекле эмблема застыла незамкнутой.

Тимур выключил звук на сервисном планшете.

— Есть ещё одна проблема, — сказал он. — Реестр показывает `МК-01` не просто активным. Последнее подтверждение присутствия — сегодня.

— Во сколько? — спросила Ася.

— Восемь девятнадцать.

То же время стояло у отказа в выдаче приложения.

Ася посмотрела на настенные часы. Было двадцать одиннадцать.

— Покажите поле полностью.

Тимур увеличил строку. `08:19:04 МК-01 ДОМ ПОДТВЕРЖДЁН`. Через две секунды — запрос `G-07`, подписанный `МК-HW-01`, и отказ.

— Значит, жетон Матвея запросил приложение? — спросил Илья.

— Нет, — сказала Ася. — Значит, в журнале рядом стоят две метки, похожие на причину и следствие. Мы ещё не знаем, связаны ли они.

— Но время одно.

— Время на этих часах.

Она положила рядом утренний акт Тимура. В нём ручкой было записано: «10:16 — обнаружена строка 08:19:06». Затем открыла свой блокнот на первой странице сегодняшнего дня. Ночная попытка снять ригель в 06:30 совпадала с экраном комнаты, но утренняя команда отставала ровно настолько, чтобы её можно было принять за раннее действие до вскрытия кейса.

Ровно — это слово она пока не произнесла. Сначала требовалась ещё одна независимая отметка.

— Завтра при выгрузке не исправляйте часы, — сказала Ася. — И не перезапускайте автономный модуль.

— Если он зависнет, мы потеряем управление северным крылом, — возразил Тимур.

— Тогда фиксируйте каждое действие внешней камерой и на бумаге.

— Вы хотите сохранить ошибку.

— Я хочу сохранить её величину.

Пустое место внезапно погасло. Затем погасли остальные экраны, кроме Асиных. Перед ней остался единственный вопрос: «КТО ПОДТВЕРДИТ ПОДЛИННОСТЬ?»

Она вынула жетон из выемки.

Экран стал чёрным.

В темноте под столом что-то тихо щёлкнуло, будто невидимый участник наконец снял палец с кнопки.

Глава 4. Два часа «Эха»

В шесть сорок утра Тимур постучал в северную комнату три раза, с одинаковыми промежутками. Ася уже не спала. На столе лежали жетон, блокнот и часы с секундной стрелкой, которые она сняла с руки перед сном, чтобы не спутать ночные отметки с привычкой смотреть время.

— Модуль снова отстал, — сказал Тимур вместо приветствия. — Если хотите увидеть до синхронизации, сейчас.

— Вы её запускали?

— Нет. Но в семь система сама сверяется с сервером завода. Иногда принимает поправку, иногда нет.

Ася надела жакет и взяла утренний акт.

— Нужен независимый источник времени.

— Телефон подойдёт?

— Два телефона и механические часы Раисы, если они не связаны с системой.

— Вы собираетесь поднять её в такую рань?

— Часы висят в коридоре.

Тимур повёл её вниз не по главной лестнице, а через узкую дверь за выключенным окном. За ней начинался железный трап, огибавший кирпичную шахту. Здесь дом не скрывал устройство: кабели шли в серых лотках, на каждом повороте стояли коробки с рукописными номерами. Под подошвами дрожала решётка.

На втором ярусе Тимур остановился у шкафа с прозрачной дверцей. Внутри мигали зелёные индикаторы, а в верхнем углу светились красные цифры: `04:49:31`.

Телефон Аси показывал `06:46`. Телефон Тимура — то же время и другую секунду. Через открытую дверь коридора были видны настенные часы Раисы: без четырнадцати семь.

— Сто семнадцать минут, — сказала Ася.

— Сейчас да.

— А вчера?

— Не измерял. Увидел разницу и решил, что сбилась зона.

— На час пятьдесят семь минут?

— Старое оборудование умеет ошибаться некрасиво.

Он открыл шкаф обычным ключом. Ася остановила его руку.

— Сначала фотография закрытого состояния.

Она сняла общий план, цифры модуля, показания телефона в том же кадре и пломбу на боковой стенке. Пломба была бумажной, с выцветшей подписью Тимура и датой трёхлетней давности. Один край отстал, но волокна не были разорваны.

— Что внутри?

— Контроллер сценариев, часы реального времени, накопитель журнала и блок реле. «Эхо» работает автономно, если связь с заводом пропадает. Матвей не хотел, чтобы дом становился бесполезным при обрыве кабеля.

— Как часы могли отстать ровно на сто семнадцать минут?

— После грозы в августе две тысячи восьмого контроллер перезагрузился. Резервная батарея держала память, но генератор времени стартовал с последнего подтверждённого значения. Связь с заводом поднялась через час пятьдесят семь минут. Часть подсистем синхронизировалась, часть продолжила жить по автономному времени.

— Пять лет никто не исправлял?

— Исправляли интерфейс. На экраны выводится серверное время. Сам контроллер трогать не стали: на нём старые сценарии, документация неполная. Поправка стоит в шлюзе.

— То есть человек видит правильное время, а первичный журнал пишет старое.

— Если событие возникло внутри автономного контура. Команды с сервера уже приходят с нормальной отметкой.

Ася снова посмотрела на красные цифры. Вчерашняя строка с отказом могла возникнуть в 10:16 и попасть в журнал как 08:19. Не раннее действие до вскрытия пакета, а немедленная реакция на запрос. Тот, кто показывал журнал, мог рассчитывать, что наблюдатель прочтёт время буквально.

— Почему вы вчера не сказали про грозу?

— Потому что вы спросили о подписи ключа.

— Я указала на часы над дверью.

— Я думал, вы спорите с Раисой Павловной. Здесь многие замечают разные времена и перестают замечать после объяснения про старое оборудование.

— Удобное объяснение.

— Правдивое.

— Одно другому не мешает.

Тимур открыл прозрачную дверцу. Холодный воздух пахнул пылью и нагретым пластиком. Под часовым модулем стояли два ряда реле с прозрачными крышками. На каждом была белая наклейка: свет, экраны, замки, звук, архив. Последнее реле помечалось `R-12 РЕЗЕРВ`.

— Проведём контрольное событие, — сказала Ася. — Такое, которое видно физически и в обоих журналах.

— Например?

Она поднесла `G-07` к считывателю у двери шкафа. Ничего не произошло.

— У вас нет доступа в сервисную зону, — сказал Тимур.

— Отказ тоже событие.

Внутри щёлкнуло реле экрана. На стене загорелась надпись: «ДОСТУП НЕ ПРЕДУСМОТРЕН». Ася одновременно сфотографировала телефон и красные цифры.

Тимур открыл журнал на сервисном планшете. Новая строка получила время `04:52:18`; телефон показывал `06:49:18`. Серверный журнал отметил отказ как `06:49:18`.

— Одна операция, две отметки, — сказала Ася. — Разница сто семнадцать минут, секунды совпадают.

Она внесла событие в акт. Тимур подписал без спора.

В семь красные цифры дрогнули. На секунду возникло `06:57`, затем модуль вернулся к `05:00`. На планшете появилась строка «СИНХРОНИЗАЦИЯ ОТКЛОНЕНА: КОНФЛИКТ СЦЕНАРИЕВ».

— Почему конфликт?

— Некоторые старые расписания хранят не только часы запуска, но и длительность от исходной точки. Если перескочить вперёд, система может выполнить два часа команд сразу. Шлюз видит риск и не меняет время.

— Значит, отставание поддерживается намеренно.

— Ради безопасности работы, не ради обмана.

— Но любой, кто знает поправку, может поставить событие в журнале раньше реального.

— Не поставить. Оно само так запишется.

— А потом показать строку без пояснения.

Тимур закрыл шкаф.

— Это уже не вопрос к оборудованию.

В столовую они пришли в семь двадцать. Пустое кресло убрали, но на полу остались четыре маленьких вмятины от ножек. Раиса сидела за обычным прямоугольным столом. Перед ней лежали распечатки реестра меток, перевязанные красной лентой. Марина пила чёрный кофе, Илья листал страницы.

— Нашли два жетона Матвея, — сказал он. — Резервный в сейфе и демонстрационный в музее завода. Оба опечатаны.

— А `МК-01`?

— Рабочий. Не найден после исчезновения, — ответила Раиса. — Это было известно семь лет назад.

Ася положила акт контрольного события рядом с реестром.

— Автономный журнал отстаёт на сто семнадцать минут. Вчерашнее подтверждение `МК-01` произошло не в восемь девятнадцать, а в десять шестнадцать — когда мы вскрыли пакет и запросили приложение.

Марина отставила чашку.

— То есть Матвей не приходил утром до нас.

— Журнал этого не доказывает. Роль была подтверждена в момент запроса.

— Кем?

— Пока неизвестно.

Раиса прочла акт до конца.

— Сдвиг часов никогда не скрывался. Он указан в техническом журнале.

— В каком разделе наследственного пакета?

— Пакет не является инструкцией по эксплуатации дома.

— Но использует время дома как доказательство последовательности.

— Последовательность не меняется от одинаковой поправки.

— Если все события возникли в одном контуре. Серверные команды получают правильное время, автономные — отстающее. В одной выгрузке их нельзя сортировать как единый ряд без указания источника.

Тимур разложил перед ней схему.

— Она права. Здесь две временные базы.

Раиса подняла на него глаза.

— Семь лет это никого не беспокоило.

— Семь лет никто не проводил голосование по файлу, который выдаёт «Эхо».

Это была первая фраза Тимура, направленная не к Асе, а против уверенности Раисы. Он произнёс её тихо, и потому она осталась в комнате.

Марина потянула к себе реестр.

— Что ещё семь лет никого не беспокоило?

— Видео, — сказал Илья. — В пакете есть диск.

Раиса накрыла верхнюю распечатку ладонью.

— Запись предназначена для просмотра после идентификации всех наследников.

— Все здесь, — сказала Марина.

— Система считает Матвея тоже здесь, — добавила Ася. — Это делает условие двусмысленным.

— Не играйте словами.

— Тогда сформулируйте условие без системы.

Раиса выдержала паузу и сняла руку с бумаг.

— Тимур, подготовьте малую переговорную. Только просмотр, без копирования.

Малая переговорная находилась в стеклянном переходе между башней и южным крылом. Под полом темнела вода в бетонном резервуаре; дождевые капли дробили отражение потолочных ламп. На стене висел экран, под ним — старый дисковод и панель с четырьмя механическими клавишами.

Тимур проверил пломбу конверта, записал номер и разрезал край. Диск вошёл в привод с сухим шорохом. Экран показал дату: `09.11.2010`, время `18:12`, идентификатор `МК-HW-01`.

Матвей стоял в этой же комнате у окна. Ему было чуть больше сорока; седина только начиналась у висков. Ася помнила его старше — осунувшимся, с воспалёнными глазами после бессонной ночи. На записи он выглядел собранным и раздражённым.

— Если активирован этот файл, совет не смог сохранить равновесие без моего участия, — сказал он. — Я не назначаю преемника. Я назначаю проверку решения.

Илья подался вперёд.

— Значит, мама говорила правду.

— О чём именно? — спросила Марина.

Матвей на экране продолжал:

— Каждый наследник получит вопрос. Ответы не определяют долю. Они откроют один из вариантов Приложения А. До открытия запрещено отчуждение патентов, изменение состава совета и раздел производственного контура.

За его спиной погас свет в переходе. Через секунду включилась нижняя подсветка пола, затем на столе поднялась панель экрана. Матвей не обернулся.

— Протокол использует аппаратную подпись и физическую последовательность реле. Если одно не совпадёт с другим, доверяйте железу.

Ася подняла руку.

— Остановите.

Тимур нажал крайнюю клавишу. Изображение застыло на лице Матвея.

— Назад на десять секунд.

— Зачем? — спросила Раиса.

— Он сам сказал доверять последовательности реле.

Тимур перемотал. Они снова увидели, как гаснет потолочный свет, загорается пол и поднимается экран.

— Это нормальный запуск режима записи? — спросила Ася.

— Нет. Экран должен подняться первым, иначе камера ещё не получает питание.

— Но мы видим момент до подъёма.

— Камера могла работать отдельно.

— От какого контура?

Тимур подошёл к панели и снял узкую крышку. За ней стояли три тумблера с подписями `CAM`, `TABLE`, `LIGHT`.

— Сейчас камера питается от линии безопасности. В две тысячи десятом... — Он замолчал. — В две тысячи десятом она была на общем реле экрана.

— Значит, запись не могла показать, как экран поднимается после начала съёмки?

— Могла, если использовали переносную камеру.

— Тогда почему в кадре тот же угол штатной камеры?

Раиса встала.

— Вы делаете вывод по десяти секундам старой записи.

— Я задаю вопрос о физической возможности этих десяти секунд.

— Матвей мог изменить подключение.

— Тогда изменение должно быть в журнале работ, — сказал Тимур.

Он уже не смотрел на Раису. Опустился на колени у панели и посветил внутрь. Провода уходили в стену в старой тканевой оплётке; поверх двух бирок были наклеены новые.

— Дайте схему две тысячи десятого года, — сказала Ася.

— Она в техническом архиве завода.

— Бумажная копия?

— У Зои в башне. Если не списали.

Марина включила верхний свет обычным выключателем. На экране застыло лицо Матвея, и теперь стекло отражало всех пятерых поверх него.

- Продолжим, — сказала Раиса. — Контекст может объяснить начало.
- Контекст не запрашивает камеру, — ответила Ася.
- Вы приехали установить волю человека, а не реконструировать проводку.
- Воля записана проводкой.

Илья шагнул между ними.

- Досмотрим до конца. Потом проверим схему.

Ася кивнула Тимуру.

Запись продолжилась. Матвей перечислил три запрета, назвал воскресенье последним сроком и потребовал полного состава наследников. Ни одного имени. Ни одного указания, кому должны перейти патенты. В конце он подошёл к панели, но рука исчезла за краем кадра раньше, чем погас экран.

После чёрного поля возникла служебная таблица: файл создан девятого ноября в `18:18:44`, подписан `МК-HW-01`, добавлен в контейнер в `18:18:50`.

- Шесть секунд, — сказала Марина. — Это хотя бы возможно?

— Для подписи готового файла — да, — ответил Тимур. — Для завершения записи, кодирования и помещения на этот диск — нет. Старому модулю нужно минуты три.

- Значит, таблица ложная?

— Или время создания относится к уже подготовленному файлу, который скопировали в контейнер.

Ася попросила снова показать первые секунды. На панели за спиной Матвея горел маленький индикатор. Он погас вместе с потолочным светом, снова загорелся с подсветкой пола, а потом на одну секунду исчез за поднявшимся экраном.

Три состояния. Их можно было сопоставить с тремя физическими реле. Если схема подтверждала общий контур камеры и экрана, начало записи было смонтировано или воспроизведено позднее на другой аппаратуре. Но Матвей сам проговорил несоответствие подписи и железа. Возможно, он оставил проверку. Возможно, кто-то добавил фразу, чтобы направить проверяющего к удобной подделке. Даже честная улика могла быть частью чужого маршрута.

- Мне нужна копия файла, — сказала Ася.

- Нет, — ответила Раиса.

— Тогда побитовая копия при всех и контрольное значение в акте. Оригинал останется у вас.

- Запись содержит конфиденциальные условия управления компанией.

— Она уже предъявлена как доказательство происхождения голосования. Без возможности повторной проверки это показ, а не экспертиза.

Илья посмотрел на мать.

- Сделай копию.

- Ты раздаёшь материалы компании человеку, который скрыл знакомство с Матвеем.

Тишина наступила раньше, чем Ася успела понять смысл фразы. Марина повернулась к ней. Тимур выпрямился у панели.

- Что? — спросил Илья.

Раиса не отвела глаз от Аси.

— Я сказала только то, что проверено. В отраслевом журнале посещений есть её фамилия. Накануне исчезновения Матвея.

Ася почувствовала под ладонью холодный край стола. Она могла сейчас спорить о формулировке: фамилия в журнале не доказывала встречи. Могла потребовать первичный лист, подпись охраны, время входа и выхода. Всё это было правильно и всё прозвучало бы как бегство.

- Я встречалась с ним, — сказала она. — Семнадцать минут.

Илья не спросил, правда ли. Он спросил:

— Почему ты мне не сказала?

На чёрном экране всё ещё стояло правильное время создания файла. Под ним, за крышкой, реле хранили другую последовательность.

— Потому что после этой встречи я подписала документ, который не должна была подписывать, — ответила Ася. — И потому что пока не знаю, кто использовал ту ошибку здесь.

Раиса едва заметно выдохнула. Она добилась не признания — нового порядка разговора. Теперь любая найденная Асей ошибка могла быть истолкована как продолжение старой.

Ася закрыла блокнот.

— Копию должен снять Тимур при двух свидетелях. Я не буду хранителем. Контрольное значение получают все участники.

— Вы всё ещё считаете себя независимой? — спросила Раиса.

— Нет. Поэтому и разделяю роли.

Марина первой положила телефон на стол камерой вверх.

— Я свидетель.

После короткой паузы Илья положил рядом свой.

— Я второй.

Он не посмотрел на Асю.

Тимур вставил чистый диск в переносной привод. Пока шло копирование, в стене один за другим сработали три реле: сначала экран, затем свет, затем линия камеры. Теперь порядок был правильным.

Ася записала его точно. Не как доказательство подделки. Как последовательность, которую предстояло сравнить с бумагой.

Глава 5. Чужая уверенность

Копирование закончилось на девяноста восьми процентах и замерло.

На экране переносного привода не было ни ошибки, ни предложения подождать — только синяя полоса, не доходившая до края на толщину ногтя. Тимур не касался клавиш. Марина держала телефон над столом, Илья смотрел на вращающийся диск, а Раиса — на Асю.

— Если носитель повреждён, — сказала Раиса, — мы прекращаем опыт.

— Если носитель повреждён, мы фиксируем сектор, на котором остановилось чтение, — ответил Тимур.

Он произнёс это без прежней оглядки. Через несколько секунд привод щёлкнул, полоса дошла до конца, и на экране возникла строка из сорока цифр и букв.

Ася переписала контрольное значение в акт. Марина сверила по своей фотографии, затем передала лист Илье. Он прочёл строку дважды и поставил подпись ниже её подписи. Между ними оставалось место для Аси, но она не взяла ручку.

— Хранитель — Тимур, свидетели — вы двое, — сказала она. — Я отмечу номер акта у себя.

— Очень предусмотрительно, — произнесла Раиса. — Особенно после того, как вы уже семь лет выбираете, какие обстоятельства сообщать заказчику.

Илья поднял голову.

— Мама, не сейчас.

— Именно сейчас. Через два дня этот дом должен признать состав участников голосования. Мы не можем оставить проверку человеку, который имел необъявленный интерес ещё до исчезновения Матвея.

Раиса собрала распечатки в ровную стопку. Она не повышала голоса и не торопилась. Уверенность у неё была не выражением лица, а способом распределять предметы: диск — к Тимуру, акт — к Марине, конверт — перед собой. Каждой вещи назначалось место, и вместе с вещами — каждому человеку.

— Вы сказали об ошибочном документе, — продолжила она. — Назовём его точно. Двадцать третьего ноября две тысячи шестого года младший специалист консультационной группы Асия Лунёва подписала акт сверки комплектности тендерного архива «Полюс-Резерва». В акте было указано, что оригинал таблицы связанных лиц представлен. Оригинал не было. Была копия без последней страницы.

Ася почувствовала, как Марина перестала листать акт.

— Откуда у вас эта дата? — спросил Илья.

— Из заключения внутренней комиссии. Оно приложено к письму Матвея.

— Покажите, — сказала Ася.

— Вы не отрицаете?

— Покажите источник.

Раиса вынула из красной папки четыре листа, скреплённые в верхнем углу. Не отдавала, а положила на свободный край стола. Ася не потянулась к ним.

— Пусть Марина прочтёт заголовок, дату и перечень приложений.

Марина посмотрела на неё без сочувствия.

— Почему не сама?

— Потому что сейчас любой мой жест можно назвать попыткой изъять или заменить лист. Вы свидетель копирования. Продолжайте эту роль.

Марина взяла бумаги.

— «Справка по результатам внутреннего разбора нарушения процедуры». Двенадцатое декабря две тысячи шестого. Приложения: копия акта на двух листах, объяснительная Лунёвой

на одном листе, служебная записка руководителя группы на трёх листах. Здесь только справка. Приложений нет.

— Они в архиве компании, — сказала Раиса.

— Как и Приложение А? — спросила Марина.

Раиса чуть повернула голову.

— Отсутствие одного документа не превращает все документы в отсутствующие.

— Но меняет вес пересказа, — сказала Ася. — В справке указано, что именно я должна была проверить?

Марина прочла молча, затем вслух:

— «Подписант удостоверила визуальное наличие комплекта согласно описи, не получив оригинал реестра связанных лиц у ответственного хранителя».

— Это правда, — сказала Ася. — Я сверила корешки и номера по описи. Последний лист копии был заменён листом из другой версии. Я увидела несовпадение шрифта, но руководитель сказал, что оригинал уже запечатан для комиссии и утром подложат заверенную копию. Я подписала вечером. Утром оригинал исчез.

— Вы подписали то, чего не видели, — подытожила Раиса.

— Да.

Односложный ответ прозвучал хуже оправдания и лучше него. Илья опёрся ладонями о спинку кресла. Ася знала этот жест: он делал так перед трудным разговором, когда пытался сперва найти безопасную формулировку. Сейчас безопасной формулировки для него не было.

— Из-за этого кто-то пострадал? — спросил он.

— «Полюс-Резерв» допустили к закрытому конкурсу, — сказала Раиса. — Компания получила доступ к условиям заявок, а потом снялась. Доказать передачу данных не смогли. Карьера Асии Викторовны, насколько я понимаю, тоже пережила последствия.

— Меня уволили из группы, — сказала Ася. — Лицензии у меня тогда не было. Через год комиссия признала, что подмену организовал руководитель проекта. Это не отменило мою подпись.

— А Матвей был связан с конкурсом? — Марина всё ещё держала справку двумя пальцами за угол.

— Его предприятие подавало заявку, — ответила Раиса. — Он потерял контракт. Через четыре года госпожа Лунёва встретила с ним тайно, а затем он исчез. Теперь она проверяет распоряжение, которое может помешать продаже патентов компании, связанной с тем же «Полюс-Резервом». Если это не конфликт интересов, слова потеряли значение.

— Это конфликт, — сказала Ася.

Илья посмотрел на неё так, будто ждал второго предложения. Его не последовало.

— И что теперь? — спросил он.

— Теперь проверяющий заявляет конфликт письменно и передаёт решение о своём отводе заказчику, — ответила Марина. — Но сначала заказчик формулирует предмет проверки. У нас его до сих пор меняет дом.

— Предмет понятен, — сказала Раиса. — Подлинность наследственного пакета.

— Вчера предметом было исполнение воли Матвея. Сегодня — пригодность Аси. Завтра что?

— Завтра будет заседание совета, если мы не утонем в процедурных играх.

Марина положила справку обратно перед Раисой.

— Я не защищаю Асю. Она скрыла встречу от Ильи и от нас. На её месте я бы не ждала, пока это скажете вы. Но если вы хотите отвести её, оформите требование с основанием, перечнем материалов и указанием, кто продолжит проверку. Не вынимайте биографию из папки как готовое решение.

Раиса впервые отвела взгляд. Не от поражения — чтобы выбрать следующую опору.

— Илья представляет семью в договоре с аудитором. Пусть он решает.

Все посмотрели на него. Дом отозвался тихим гулом вентиляции, будто в стене включился далёкий насос.

— Я не знал о встрече, — сказал Илья. — И о справке не знал.

— Это не решение, — сказала Марина.

— Я понимаю.

Он подошёл к окну. Под стеклянным переходом вода в старом резервуаре была почти чёрной; отражения ламп распались на короткие полосы.

— Ася, если бы мама не нашла журнал, ты бы сказала мне?

Вопрос не относился к процедуре. Ответ нельзя было оформить оговоркой.

— Не знаю, — сказала она. — Я собиралась сказать после проверки приложения. Это могло означать завтра. Могло означать никогда, если бы я снова решила, что правильный момент ещё не наступил.

Он кивнул, не оборачиваясь.

— Тогда до письменного решения ты не проводишь действия одна. Не получаешь оригиналы, не остаёшься с носителями и не подписываешь заключение как единственный исполнитель.

— Согласна.

— Но проверка не прекращается, — добавил он.

Раиса закрыла красную папку.

— Ты оставляешь её в доме.

— Я оставляю процедуру, которую уже начал. Если вы устраните Асю прямо сейчас, всё найденное объявят семейным спором. Мне нужен внешний специалист.

— Который лгал тебе.

— Она не будет единственным голосом.

Ася увидела цену этого решения раньше, чем он произнёс последнюю фразу. Илья не выбрал её. Он выбрал конструкцию, в которой её ошибка не могла единолично разрушить результат. Именно этого она требовала от остальных — и всё же услышать было больно.

— Я подготовлю уведомление о конфликте, — сказала она. — В нём будут встреча с Матвеем, прежний акт и связь «Полюс-Резерва» с предметом проверки. До определения моей роли все действия — при двух свидетелях.

— И доступ в жилую часть до вечера, — сказала Раиса. — После — вы покидаете Дом Контур.

— Это решит Илья как заказчик, — возразила Марина. — И Тимур как ответственный за режим. Не дом и не председатель совета по устному распоряжению.

— Ты очень быстро полюбила регламент.

— Он единственный здесь не просит любви.

Тимур кашлянул и показал диск в прозрачном футляре.

— Копию я помещу в технический сейф. Код разделим: половина у Марины, половина у Илья. Контрольное значение внесу в журнал с серверным временем и отдельно — с автономным.

— Сделайте, — сказал Илья.

Он всё ещё стоял у окна.

Ася вышла первой. В коридоре свет включался секциями впереди неё и гас позади. Раньше это казалось вниманием; теперь — простой экономией, записанной в сценарий. Уверенность Раисы действовала сходно. Она убирала тёмные промежутки между фактами, и человек шёл по освещённой дорожке, не замечая, кто выбирал направление.

В Северной 3 дверь была открыта. На столе лежал её старый блокнот, прижатый латунным жетоном. Она точно помнила, что утром убрала его в чемодан.

Ася остановилась на пороге и не вошла.

— Тимур, — позвала она в коридор.

Он ещё не успел уйти далеко. Подошёл вместе с Мариной; Илья остался в переговорной с матерью.

— Был доступ в комнату? — спросила Ася.

Тимур посмотрел на открытый замок, затем на блокнот.

— После ночной блокировки я оставил дверь в дневном режиме. Войти мог любой с доступом в северный коридор.

— Зафиксируйте положение предметов до осмотра.

Марина сделала четыре снимка: общий план, стол, чемодан, дверной считыватель. Тимур выгрузил последние события замка. После его служебного открытия утром новых срабатываний не было.

— Дверь могла оставаться открытой, — сказал он.

— Или вошли через внутреннее окно? — спросила Марина.

Окно выходило в шахту и открывалось только верхней фрамугой. На подоконнике лежала ровная пыль без следов. Ася попросила снять и её.

— Теперь можно входить, — сказала она.

Чемодан был закрыт, но молнии сходились не там, где она оставила. Это ничего не доказывало: вчера она доставала одежду в темноте. Внутренний карман, куда она убрала блокнот, не имел замка. Рядом лежала синяя папка с копиями договора — ровно, как прежде.

Ася надела тонкие перчатки и подняла жетон. Под ним на обложке остался светлый круг. Пыль успела лечь вокруг металла, но не под ним.

— Он лежит здесь не с утра, — сказала Марина.

— Или стол протирали вокруг него, — ответила Ася. — Не будем угадывать.

Она открыла блокнот на вырванном месте. Слева была запись за вторник: номер поезда, адрес «Полюс-Резерва», два времени, одно зачёркнуто. Справа — четверг и перечень документов, которые она потребовала после исчезновения оригинала. Между ними торчал узкий бумажный гребень.

Теперь на корешке была видна синяя линия.

— Вчера её не было? — спросил Тимур.

— Я не заметила.

Это было точнее, чем «не было».

Ася пролистала блокнот от конца к началу. На последней странице, которую раньше считала пустой, проступали вдавленные буквы. Кто-то писал на листе сверху, затем вырвал его; нажим остался на следующем. При косом свете читались отдельные штрихи.

Тимур выключил верхнюю лампу и направил фонарь почти вдоль бумаги. Марина фотографировала каждый угол света. Ася не касалась страницы пальцами. Постепенно слова собрались:

`НЕ ПРОСИ МЕНЯ ВЕРИТЬ. ПРОВЕРЬ, КТО БУДЕТ УВЕРЕН ЗА ТЕБЯ.`

Ниже стояло:

`М. К. 17 МИН.`

Ася прочла дважды. Фраза была похожа на Матвея — на его манеру превращать просьбу в испытание. И именно поэтому ей нельзя было доверять.

— Это его почерк? — спросила Марина.

— Не знаю.

— Ты помнишь, как он писал?

— Он при мне ничего не писал. И этой фразы я не помню.

— Семнадцать минут совпадают со встречей, — сказал Тимур.

— Совпадают с тем, что я сказала вслух двадцать минут назад. До этого длительность знали Раиса и тот, у кого был журнал посещений.

— И ты, — заметила Марина.

— И я.

Ася попросила ещё один лист прозрачной плёнки и не стала обводить вмятины карандашом: это могло повредить или создать линии. Они зафиксировали страницу только косым светом, записали положение блокнота и убрали его в новый пакет. На клапане расписались трое.

— Если лист вырван семь лет назад, вмятины старые, — сказал Тимур. — Но блокнот могли положить на стол сегодня.

— А если фраза появилась недавно? — спросила Марина.

— Тогда надо искать различие пасты на корешке, следы давления и совпадение бумаги вырванного листа с тем, что сохранилось. Без лаборатории я не скажу.

Ася посмотрела на синюю линию у корешка. В памяти не возникло ни руки Матвея, ни звука ручки. Только переговорная семь лет назад: белый стол, стакан воды, папка без последней страницы и мужчина, который не принял её первое извинение.

«Мне не важно, что вы чувствуете по поводу подписи», — сказал он тогда. Эту фразу она помнила. Потом спросил, кто велел ей удостоверить отсутствующий лист. Она не назвала руководителя. Сказала, что решение было её. Матвей рассмеялся без веселья: «Очень удобно для него».

Но слов про уверенность не было. Или она не позволяла себе их вспомнить.

Илья появился в дверях. Увидел пакет, подписи, выключенный свет.

— Что случилось?

Марина объяснила без выводов. Он выслушал и спросил Асю:

— Ты оставила блокнот на столе?

— Нет. Я помню, что убрала его в чемодан. Но у нас есть только моё слово и положение молний, которое я не зафиксировала.

— Фразу помнишь?

— Нет.

Он прочёл фотографию на экране телефона.

— Похоже на сообщение тебе.

— Похоже. Поэтому оно опасно.

— Ты думаешь, мама его подложила?

— Я думаю, что человек, положивший блокнот на стол, хотел, чтобы я его открыла после разговора о моей ошибке. Кто это был, я не знаю.

— Можно же спросить дом, кто входил.

— Замок не фиксировал вход. А роль Матвея уже оказалась способом назвать присутствием неизвестную операцию. Если «Эхо» сейчас покажет имя, это будет версия системы, не свидетель.

Илья провёл ладонью по лицу.

— Я всё время жду, что хоть один ответ что-нибудь закончит.

— Здесь ответы назначают следующий вопрос, — сказала Марина. — Привыкай.

Раиса не вошла. Её голос прозвучал из потолочного динамика:

— Асия Викторовна, срок гостевого доступа истекает в восемнадцать ноль-ноль. Просьба завершить работу с личными материалами.

Тимур поднял голову.

— Я не ставил срок.

— Это могла быть старая команда? — спросил Илья.

— Могла. Или новая серверная. Проверю обе базы.

Ася посмотрела на часы. Было без двадцати двенадцать. Шесть часов — достаточно, чтобы написать уведомление о конфликте, получить бумажную схему у Зои и установить, когда фраза впервые могла появиться в блокноте. Недостаточно, чтобы доказать всё. Но чужая уверенность всегда предлагала ложный выбор: либо доказать всё сейчас, либо уйти, признав чужую версию полной.

Она взяла чистый лист.

— Запишите в акт: после обнаружения вмешательства в личные материалы я не считаю себя вправе вывозить блокнот без совместного решения. Пакет остаётся в техническом сейфе рядом с копией видео, на отдельной полке. Доступ — по разделённому коду.

— А ты? — спросил Илья.

— Я остаюсь до установления происхождения записи. Не как единственный аудитор и не как человек, которому надо поверить. Все действия — при свидетелях. Если в восемнадцать часов дверь заблокирует мой жетон, мы зафиксируем команду и источник времени.

— Это может означать, что ты останешься без доступа вообще.

— Тогда мне выдадут временную метку по акту или письменно откажут. Отказ тоже событие.

Тимур кивнул, повторяя её утренние слова уже как правило.

Марина открыла дверь шире.

— Сначала к Зое. Бумажная схема не знает, кому сегодня хочется быть правым.

Илья посторонился. Он не протянул Асе руку и не сказал, что верит ей. Вместо этого взял со стола бланк уведомления и вписал себя вторым свидетелем.

В коридоре зажглась следующая секция света. Предыдущая ещё не погасла, и между ними на несколько секунд не осталось тёмного промежутка.

Глава 6. Слепая лестница

Зоя Кравец пришла за ними сама, хотя бумажное хранилище находилось в её ведении и можно было просто передать запрос.

Она остановилась у Северной 3, дождалась, пока Тимур закончит печатывать второй пакет, и положила на стол серую карточку с тремя строками, отпечатанными на машинке. В первой значилось: «Схема электропитания переговорной, редакция 2010 года». Во второй — архивный шифр. В третьей — причина отказа: «Выдача только в помещении хранения».

— Почему отказа? — спросила Марина.

— Потому что вы написали «выдать», — ответила Зоя. — Я могу показать. Выдать не могу.

На вид ей было около шестидесяти. Она носила тёмный жилет поверх белой блузки и держала спину так прямо, словно между лопатками у неё лежала линейка. Связка ключей на поясе не звенела: каждый ключ был вставлен в отдельную кожаную петлю.

Ася прочла карточку.

— Основание ограничения?

— Распоряжение по режиму хранения после протечки две тысячи девятого года. Оригиналы инженерного архива не покидают нижнее помещение. Копировать можно там же, если бумага не имеет красной кромки.

— А у этой схемы какая?

— Увидим.

Зоя забрала карточку, будто вопрос был исчерпан. За её плечом стоял Илья. Он всё утро держался рядом, не вмешиваясь в работу, но не уходя достаточно далеко, чтобы его отсутствие можно было принять за решение. Латунный жетон висел у него на шнурке под рубашкой; край иногда показывался между расстёгнутыми пуговицами воротника.

— Мне идти? — спросил он.

— Вы второй свидетель по уведомлению, — сказала Ася. — Но сейчас нам нужен не состав по привычке, а минимальный состав по доступу. Зоя, кто допускается в хранилище?

— Я. Член семьи с постоянной меткой. Технический сотрудник, если открывается шахта. Приглашённый специалист — по разовому листу.

— Значит, все четверо, — сказала Марина. — Очень уютная минимальность.

Тимур снял со стола журнал и фонарь.

— Мне сначала проверить команду об окончании гостевого доступа.

— Проверь по дороге, — сказала Зоя. — Внизу терминал старого контура. Верхние экраны показывают то, что им разрешили показывать.

Тимур посмотрел на неё внимательнее.

— А нижний?

— Нижний показывает мало. Поэтому ему доверяли.

Они вышли в центральный коридор. За стеклом дождь превратился в мелкую водяную пыль. Башня стояла посреди двух крыльев, и переходы входили в неё на разных уровнях, как короткие мосты. Главная лестница огибала лифтовую шахту широкими маршами. Ася уже проходила по ней: свет там загорался заранее, подстраиваясь под движение жетона.

Зоя миновала её и открыла узкую дверь под площадкой. За дверью начиналась другая лестница — бетонная, без отделки, с трубами вдоль стены. На табличке было написано «Служебный спуск Б». Ниже мелкими буквами: «При аварии не использовать».

— Хорошая формулировка, — заметила Марина. — А при чём использовать?

— При работе, — сказала Зоя.

Она вставила длинный ключ, повернула его дважды и потянула дверь на себя. Над первым пролётом загорелась жёлтая лампа в проволочной сетке. Следующая осталась тёмной.

— Датчики движения? — спросила Ася.

— Нет, — ответил Тимур. — Последовательные концевики. Открываешь верхнюю дверь — получаешь первый пролёт. Доходишь до площадки, нажимаешь штангу — следующий. Старый контур, ещё до «Эха».

— Тогда почему Зоя сказала про терминал?

— Потому что старое потом подключили к новому.

Зоя ступила на лестницу.

— Вопросы задавайте на площадках. Здесь голос гуляет до самого резервуара.

Спускались по одному. Бетонные ступени были истёрты в середине, на внутренней стороне перил остались белые следы краски. Зоя на первой площадке толкнула горизонтальную металлическую планку. Вторая лампа загорелась; первая погасла через несколько секунд.

Ася задержалась между освещёнными участками. Сверху её догнал Илья.

— Ты в порядке?

— Да.

— Это не тот ответ, который ты обычно запрещаешь мне принимать.

Она посмотрела вниз. Марина уже стояла рядом с Зоей, Тимур проверял маленькую коробку на стене. Свет оставлял их лица жёлтыми пятнами, а промежуток между площадками казался глубже, чем был.

— Я не знаю, — сказала Ася. — Так точнее.

— Из-за блокнота?

— Из-за того, что мне хочется считать его подложенным. Как только версия удобна лично мне, она должна получать не меньше сопротивления, чем версия Раисы.

— Ты можешь хотя бы допустить, что тебе написали правду.

— Фраза может быть правдивой, а происхождение — ложным. Это разные проверки.

Илья провёл пальцем по шнурку жетона под воротником.

— А я теперь какая проверка?

Снизу Марина ударила ладонью по штанге. За спиной Аси погасла лампа, впереди зажглась следующая.

— Пока свидетель, — сказала Ася. — И человек, которого я обманула умолчанием.

— Очень полный ответ.

— Другого у меня нет.

Они пошли дальше. На третьей площадке бетон сменился металлическим настилом. Сквозь решётку виднелась внутренняя кирпичная стена башни и чёрная пустота технической шахты. Оттуда тянуло холодом и старой водой.

Зоя нажала штангу. Лампа над нижним маршем вспыхнула, мигнула дважды и погасла. Одновременно погасла лампа над ними.

Темнота наступила не постепенно. Она отрезала лица, стены и расстояние одним щелчком.

Кто-то резко вдохнул. Ася прижала ладонь к стене, нащупала холодный шов между бетонными плитами и не сделала следующего шага.

— Стоим, — сказал Тимур. — Не двигаемся.

Внизу звякнул металл.

— Это мои ключи, — спокойно сказала Зоя. — Один вышел из петли. Никто не наклоняется.

Тимур включил фонарь. Узкий луч выхватил его руку, край площадки и четыре пары обуви. Марина стояла на нижней ступени, Зоя — у двери с табличкой «Архив». Илья оказался рядом с Асей, но не касался её.

— Аварийная линия тоже не загорелась, — сказал Тимур. — Она здесь отдельная.

— Проверяем, не предполагаем, — сказала Ася.

Тимур направил свет на коробку у штанги. Индикатор питания горел зелёным.

— Питание есть. Команда на выключение.

— Откуда?

— Сейчас узнаю.

Он присел у терминала — маленького серого шкафа, встроенного в стену над архивной дверью. Крышку удерживал винт под пломбой. Пломба была цела. Тимур не стал её трогать, поднял резиновый клапан сбоку и подключил кабель к сервисному разъёму.

— Всем назвать положение? — спросил он.

— Сначала время, — сказала Ася.

Марина включила экран телефона.

— Серверное: двенадцать сорок три двадцать восемь.

— Автономное должно быть десять сорок шесть двадцать восемь, — сказал Тимур.

На его приборе появились зелёные строки.

— Есть событие: десять сорок шесть двадцать семь. «Марш Б-3. Роль И-Б-02. Запрет сопровождения». Через секунду — погасить активный и следующий светильники.

Илья вынул жетон из-под рубашки.

— И-Б-02 — это я.

— Не размахивай, — сказала Марина. — Вдруг дом решит закрыть ещё и воздух.

— Дом ничего не решает, — отозвалась Ася.

Ей пришлось произнести это вслух. Темнота слишком легко превращала последовательность реле в намерение.

— Команда штатная? — спросила она.

Тимур пролистал строки.

— Исполняется штатно. Происхождение пока не вижу. Здесь только короткий код сценария: `BLIND-B`.

— «Слепой Б»? — спросила Марина.

— Или «блок лестницы Б». Название ничего не доказывает.

Зоя протянула руку.

— Посветите на пол.

Луч нашёл выпавший ключ. Она подняла его, вернула в петлю и проверила застёжку.

— Такое уже было? — спросила Ася.

— Свет гас — было. При Матвее. Потом перестал.

— Когда именно?

— Не помню дату.

— Кто шёл по лестнице?

Зоя посмотрела не на Асю, а на жетон Ильи.

— Борис Андреевич. Отец Ильи и Марины. Он спускался за Матвеем, а вернулся один.

Сказал, что коротнуло лампы.

Марина выпрямилась.

— Ты никогда этого не рассказывала.

— Ты никогда не спрашивала, когда на лестнице гас свет.

— Мама знала?

— Я сообщила о неисправности заведующему хозяйством. Кто что знал дальше, не ко мне.

Ася услышала в ответе не уклонение, а строгую границу должности. Зоя не собиралась превращать старое наблюдение в семейное свидетельство только потому, что сегодня оно стало важным.

— После смерти Бориса Андреевича его жетон заменили? — спросила Ася.

— Роль перенесли Илье, — сказал Тимур. — Я видел это в реестре: `IB-02` без дефисов в старой базе, `I-B-02` после миграции. Считалось наследованием уровня доступа.

— Вместе с доступом унаследовался запрет света, — сказала Марина.

— Возможно, — ответила Ася. — Сначала контроль.

Она попросила Илью подняться на предыдущую площадку. Тимур записал время. Когда жетон удалился на несколько метров, нижняя лампа зажглась сама, а над площадкой осталась тёмной.

— Возвращайся, — сказал Тимур.

Илья сделал два шага вниз. Обе лампы погасли.

Повторили без жетона: Илья положил его на верхнюю ступень и спустился к ним. Зоя нажала штангу. Нижний марш осветился и не погас.

Потом жетон понесла Марина. Свет исчез, когда она пересекла середину пролёта.

— Значит, не Илья, — сказала она. — Метка.

— Точнее, роль, которую считывает контур, — поправила Ася. — Физический жетон запускает условие. Личность система не устанавливает.

Тимур сохранил три контрольных события и отдельно записал время телефона Марины. Все события попали в автономный журнал со сдвигом в сто семнадцать минут. В серверной базе верхнего контура они появились почти сразу, но с другим описанием: «тест освещения выполнен».

— Без указания роли? — спросила Ася.

— Без указания даже на выключение. Итоговый статус — выполнен.

— Красивая последовательность, — тихо сказал Илья.

Ася посмотрела на него. Он повторил слова Матвея не как пароль, а как неприятно усвоенное правило.

— Делаем выгрузку обеих записей, — сказала она. — И фотографируем экран терминала рядом с независимым временем. Но сначала вернём рабочий свет.

Тимур нашёл в меню ручное удержание на пять минут. Желтые лампы загорелись сразу. Команда `BLIND-B` осталась активной, однако временный сервисный режим имел приоритет.

— Пять минут, — предупредил он.

— Архив за этой дверью, — сказала Зоя. — Там свой контур.

Она открыла замок. За дверью оказалось небольшое преддверие с осушителем, столом и металлическими шкафами. Воздух был сухим и пах картоном. На стене висел гигрометр, под ним — журнал с ежедневными цифрами влажности. Зоя расписалась за вход каждого, сверила их жетоны с бумажным списком и только после этого открыла внутреннюю решётку.

— Раз дом видит жетоны, зачем список? — спросил Илья.

— Потому что бумага не считает человека вошедшим, пока я не увижу его лицо.

В хранилище стояли передвижные стеллажи на рельсах. Зоя крутила рукоять, раздвигая ряды по одному. Схема 2010 года лежала не среди общих чертежей дома, а в коробе «Переговорная / запись / питание». На корешке имелся второй шифр, написанный от руки зелёными чернилами.

— Чей? — спросила Ася.

— Матвея. Он заставил разделить исполнительные схемы и схемы фактического монтажа. Не доверял подрядчику после реконструкции.

Зоя вынула картонную папку и положила на стол. Кромка была синей.

— Снимать можно без вспышки. Перелистываю я.

На первом листе стояла дата исходного проекта. На втором — изменения после монтажа. На третьем красным карандашом были обведены общая линия питания камеры и подъёмного

экрана, а рядом зелёной ручкой Матвей написал: «РАЗДЕЛИТЬ ДО СЪЁМКИ». Ниже имелись подписи электрика и Тимура, тогда ещё младшего инженера.

— Разделили? — спросила Марина.

Тимур наклонился над листом.

— По акту — через неделю. Но запись в наследственном пакете датирована днём раньше этой пометки.

— Значит, видео точно не могло быть снято в указанную дату, — сказал Илья.

— Значит, указанная на контейнере дата не согласуется с фактическим питанием, — ответила Ася. — Слово «точно» оставим после проверки акта работ и самого реле.

Зоя перевернула лист. На обороте была приклеена калька с маршрутом кабеля через техническую шахту. От переговорной линия уходила не прямо к автономному шкафу, а к промежуточному узлу на служебной лестнице.

Тимур провёл пальцем над калькой, не касаясь её.

— Здесь стоял считыватель сопровождения. Я думал, его сняли при миграции.

— Что он считывал?

— Метки на лестнице и у переговорной. Нужен был, чтобы обслуживающий персонал не попадал в запись присутствующих. Человек проходил с технической ролью, система временно гасила маршрут и не объявляла его в помещении.

— Поэтому лестница слепая, — сказала Марина.

— Для верхнего журнала, — уточнил Тимур. — Автономный всё равно должен был оставить команду.

Ася посмотрела на зелёный шифр короба. `BLIND-B` перестал быть случайным сокращением.

— Где промежуточный узел?

Зоя указала на стену за последним стеллажом.

— За ней шахта. Раньше открывалась из архива. Потом поставили шкафы.

Они нашли дверцу не сразу. Её закрывала задняя панель крайнего стеллажа. На рукояти висела карточка: «Не перемещать: перекос направляющей». Зоя принесла из преддверия складной ворот, вставила его в нижний привод и медленно отодвинула ряд. Колёса скрипнули, оставив на рельсе чистую полосу.

За стеллажом обнаружилась низкая металлическая дверь. На ней сохранилась свинцовая пломба, покрытая серым налётом. Проволока уходила в проушины, но одна из них была отвинчена вместе с пластиной и лежала рядом на полу. Пломба оставалась целой — дверь можно было открыть, не разрывая её, если снять крепление целиком.

— Не трогать, — сказала Ася.

Никто и не тянулся. Тимур осветил дверь сбоку. На сером полу лежала пыль, но у нижнего края виднелся чистый полукруг от движения створки. На винтах проушины блестели свежие царапины.

Зоя побледнела.

— Стеллаж не двигали с весны. Я бы увидела в журнале.

— Журнал движения ручной? — спросила Ася.

— Да.

— Тогда он подтверждает только внесённые движения.

Они сфотографировали общий вид, пломбу, проушину, рельс и след двери с масштабной линейкой из архивного набора. Тимур надел перчатки, удержал пластину за края и позволил Зое открыть створку её ключом.

За дверью была шахта шириной чуть больше метра. По кирпичной стене шли кабели в металлических лотках. На уровне груди торчала прямоугольная монтажная рамка. Считыва-

теля в ней не было. Два конца кабеля были закрыты колпачками, а на нижней полке лежал сам прибор — чёрная коробка с узким окном и сорванной наклейкой инвентарного номера.

На его корпусе толстым слоем лежала пыль. Рядом, на полке, пыль была нарушена двумя свежими полосами, будто коробку недавно подняли и вернули. Один колпачок на кабеле выглядел новым и ярко-синим; второй пожелтел от времени.

— Когда его сняли? — спросил Илья.

— Я не знаю, — сказал Тимур. — По документам узел списан в две тысячи одиннадцатом. Но списанный прибор не должен лежать подключаемым рядом с линией.

— Он подключён сейчас?

— Нет. И я не буду проверять разъём, пока мы не снимем состояние и не найдём акт демонтажа.

Марина присела у порога, не заходя внутрь.

— Пломба старая, пыль свежая. Кто-то сюда лазил и хотел, чтобы дверь считалась закрытой.

— Кто-то снимал крепление, — сказала Ася. — Мы пока не знаем когда. Чистый след мог появиться весной, если здесь достаточно сухо. Царапины могут быть от прежнего ремонта. Свежесть надо сравнить, а не назначить.

— Ты умеешь испортить хорошее обвинение.

— За это мне платят.

Илья направил фонарь на внутреннюю сторону рамки.

— Здесь что-то написано.

Под слоем пыли проступали две даты. Первая — `14.11.10`, нанесённая белой краской. Вторая — `20.11.10`, процарапанная на металле. Между ними было шесть дней — от исчезновения Матвея до официального закрытия внутреннего расследования семьи.

— Не очищаем, — сказала Ася. — Только косой свет.

Тимур снял серию кадров. Затем осветил заднюю панель считывателя. Пломбировочная наклейка на винте засохла и растрескалась, но не была разорвана. На одном краю выступал серый ворс.

— Похоже на ткань, — сказал он.

— Похоже, — повторила Ася. — В акт так и запишем.

Зоя всё это время стояла у стола со схемой. Теперь она раскрыла журнал влажности на последней странице и вынула из кармана очки.

— Вчера в шестнадцать десять осушитель отключался на девять минут, — сказала она. — Я записала скачок до шестидесяти двух процентов. Думала, дверца фильтра неплотно закрыта.

Тимур подошёл к прибору осушителя.

— Он связан с датчиком открытия шахты. Когда дверь открывают, заслонка должна перекрыть поток, чтобы не тянуть влажный воздух. Скачок мог быть от этого.

— Вчера нас здесь не было, — сказала Марина.

— Но в доме были Раиса, Зоя, сотрудники смены и, возможно, другие постоянные метки, — ответила Ася. — Состав нужно установить по независимым источникам.

Илья сжал жетон в ладони.

— А моя метка могла сделать проход невидимым.

— Твоя роль могла запустить сценарий, который иначе описывает события верхнему журналу. Это ещё не невидимость. Автономная команда осталась.

— Если прибор подключали обратно, он мог показать, что я здесь был?

Тимур не ответил сразу.

— Мог показать роль, записанную на метке. Не тебя.

Илья положил жетон на архивный стол, подальше от края.

— У кого были дубликаты?

— Формально дубликатов постоянных меток нет, — сказал Тимур. — Но после миграции старые метки не уничтожали сразу. Их гасили в серверной базе. Автономный считыватель мог узнавать старую.

— Метку отца?

— Если она сохранилась.

В хранилище стало слышно, как осушитель прогоняет воздух. Ася посмотрела на снятый считыватель, потом на целую пломбу у открытой двери. Каждая деталь предлагала удобную историю: Раиса хранила старую метку; Матвей оставил тайный проход; Тимур знал больше, чем говорил; сам Илья мог спуститься сюда и забыть или скрыть. Дом позволял выбрать любую, потому что его устройства регистрировали роли, а люди потом подставляли имена.

— Закрываем шахту после фиксации, — сказала Ася. — Пластины не возвращаем на винты: это будет изменением положения. Зоя, можно опечатать дверь новой лентой поверх старого узла, не касаясь пломбы?

— Можно через вторые проушины.

— Подписи четырёх свидетелей. Тимур, выгрузка автономного журнала лестницы за вчера с интервалом вокруг шестнадцати десяти по серверному времени. Отдельно — все сбывания `BLIND-B` за доступный период. Никакой перезагрузки.

— А схема? — спросила Зоя.

— Остаётся у вас. Мы снимаем листы по порядку, включая обороты, корешок и карточку выдачи. Контрольную копию — на новый носитель при всех.

— Красной кромки нет, — сказала Зоя. — Разрешаю.

Марина посмотрела на Асю.

— Ты понимаешь, что мама сейчас объявит это техническим мусором?

— Возможно.

— А ты что объявишь?

— Что видео из пакета противоречит бумажной схеме питания, а на линии между переговорной и автономным контуром существовал считыватель, который мог менять регистрацию сопровождения. Его сняли, но оставили рядом; к шахте открывали доступ без разрушения старой пломбы. Всё остальное пока версии.

— Даже дата внутри рамки?

— Дата — надпись. Нам ещё надо установить, кем и когда она нанесена.

Марина усмехнулась без раздражения.

— Матвей бы тебя ненавидел.

— Он однажды уже был недоволен тем, что я приняла комплектность за факт.

Слова вышли раньше, чем Ася решила раскрыть их. Илья поднял глаза.

— На той встрече?

— Да. Он спросил, кто велел мне подписать акт без оригинала. Я сказала, что решение было моим. Он ответил, что это удобно для моего руководителя.

— А фраза из блокнота?

— Её я не помню.

На этот раз Илья не стал просить её вспомнить сильнее. Он взял свой жетон со стола двумя пальцами, попросил у Зои бумажный конверт и положил его внутрь.

— До инвентаризации носить не буду. Пусть хранится с подписями.

— Тогда на обратной лестнице свет не погаснет, — сказала Марина.

— Это не доказательство безопасности лестницы, — ответил он. — Только отсутствия одного условия.

Ася узнала собственную интонацию и впервые за утро не почувствовала от неё раздражения.

Они запечатали шахту новой красной лентой. Старую свинцовую пломбу Зоя накрыла прозрачным колпаком, чтобы никто не принял её сохранность за сохранность двери. На карточке доступа она записала точное положение снятой проушины и отказалась использовать слово «вскрытие».

— Вскрывают пломбу, — объяснила она Марине. — Здесь её обошли.

Тимур закончил выгрузку лестничного журнала. На экране было семь событий `BLIND-B` за последние три года. Шесть относились к проверкам системы после обслуживания. Седьмое возникло вчера в автономное время `14:13:11`, что соответствовало серверным `16:10:11` — за секунду до отключения осушителя.

Роль в строке была указана та же: `I-B-02`.

Илья смотрел на экран, держа пустые руки перед собой.

— Вчера мой жетон был у меня. Я ездил в город и вернулся после пяти.

— Кто может подтвердить? — спросила Марина.

— Водитель. Камера у ворот. Оплата на заправке.

— Это проверим, — сказала Ася. — Но даже если ты был в городе, строка не докажет, что жетон был здесь. Она докажет срабатывание роли на старом контуре.

— Старой меткой отца.

— Или сервисной записью. Или повтором сохранённого кода. Или твоей меткой, если время поездки не совпадёт. Не выбирай сейчас то, что меньше всего похоже на тебя.

Он кивнул, но не отвёл взгляд от строки.

Зоя закрыла папку со схемой. На её синей кромке осталась полоска света от настольной лампы.

— Вы пришли за питанием переговорной, — сказала она. — Получили лестницу.

— Это одна система, — ответил Тимур.

— На бумаге — да. В разговорах семьи никогда не была.

Обратно поднимались без жетона Ильи. Лампы послушно передавали свет с пролёта на пролёт. На третьей площадке Ася остановилась у штанги и посмотрела сквозь решётку в шахту. За кирпичной стеной оставался снятый считыватель; перед дверью — две пломбы, старая целая и новая честная. Первая обещала, что никто не входил. Вторая говорила лишь, что после четырёх подписей положение не должны менять.

Разница между ними была не в материале.

На верхней площадке Тимур поймал сеть. Серверная база приняла выгрузку и тут же присвоила вчерашнему событию понятное описание: «Илья Берест. Сопровождение архива. Завершено успешно».

Илья прочёл строку через его плечо.

— Но меня здесь не было.

Ася сверила серверное время, автономную отметку и исходный код роли.

— Тогда начнём с того, кто был уверен за тебя.

Глава 7. Первичная копия

Из архива они вернулись не в стеклянную переговорную, а в комнату инвентаризации за кухней. Здесь не было ни экрана, ни потолочных динамиков. Только длинный стол, две лампы под зелёными колпаками и решётка старого вентиляционного канала, из которой тянуло холодной известью.

Зоя внесла синюю папку последней. Прижимала её к груди обеими руками, хотя вынести из хранилища сама же и разрешила.

— До этой комнаты считается внутренним перемещением, — сказала она. — Дальше порога — выдачей. Не путайте.

Марина поставила у двери стул и села на него верхом.

— Буду живым турникетом.

— Турникет записывает проходы.

— Тогда живым препятствием.

Ася сняла пальто и разложила на столе лист регистрации. Слева — бумажная схема питания переговорной, справа — распечатка автономного журнала лестницы. Между ними оставила пустое место для того, чего пока не существовало в описи.

Илья стоял у окна. Без жетона дом перестал замечать его: не включил подсветку подоконника, не поднял жалюзи навстречу пасмурному дню. Эта обычная неподвижность делала комнату честнее.

— Вчерашнюю поездку подтвердили? — спросила Ася.

Тимур положил рядом три листа.

— Камера ворот: выезд в пятнадцать двадцать две, возвращение в семнадцать четыре. Водитель расписался. На заправке карта Ильи прошла в шестнадцать восемнадцать.

— Саму карту мог использовать водитель, — сказал Илья.

Ася посмотрела на него. Ещё вчера он просил её не превращать каждое сомнение в обвинение. Теперь первым обесценивал собственное алиби.

— Мог. Но камера заправки показывает вас обоих у кассы. В шестнадцать десять ты был в сорока километрах отсюда.

— Значит, старая метка отца.

— Значит, не ты прошёл к шахте с твоим нынешним жетоном. Остальное ещё проверяем.

Зоя раскрыла папку.

В ней лежали не договоры, а машинописные листы с широким левым полем. На каждом поле шёл один и тот же ряд проколов: документ когда-то был прошит, потом нить сняли. Красный карандаш Матвея появлялся редко — прямые линии, цифры, короткие глаголы. Ни обращений, ни объяснений.

Первый лист назывался «Регламент защиты непрерывности управления. Редакция 3». Внизу стояли подписи Матвея Корина и покойного Аркадия Береста, отца Ильи и Марины. Дата — восьмое ноября 2010 года.

— За день до ключа на видео, — сказала Марина.

— За день до даты подписи контейнера, — поправила Ася.

Она прочла документ от начала до конца. Регламент запрещал менять владельца патентного портфеля без уведомления всех членов совета и повторного голосования через семьдесят два часа. Если система получала распоряжение о передаче без протокола первого голосования, она должна была приостановить доступ к оригиналам, создать контрольные копии реестров и разослать участникам уведомления.

Наследников текст не называл. Семью — тоже.

— Вот его воля, — сказал Илья.

— Это регламент, — ответила Ася. — Подписанный двумя сооснователями. Он защищает процедуру, а не назначает человека.

— Если процедуру сохранили для меня, разница небольшая.

— Разница в том, что правило действует против любого, кто попытается провести тайную передачу. В том числе против тебя.

Илья провёл пальцем по пустому месту на подоконнике, где обычно загорался индикатор его присутствия.

— Отец всегда говорил, что Матвей хотел оставить завод мне.

— Здесь этого нет.

— Здесь не всё.

— Именно поэтому мы читаем дальше.

Марина качнула стул на двух ножках.

— Мне отец говорил, что завод нельзя оставлять никому из нас поодиночке. Удобно, что оба разговора без свидетелей.

Зоя перевернула следующий лист. На нём была таблица событий: `SALE-P`, `PATENT-X`, `COUNCIL-72`. Тимур придвинулся, но руки держал за спиной.

— Это имена сценариев старого контроллера, — сказал он. — `SALE-P` отслеживает изменение держателя контрольного пакета. `PATENT-X` — перемещение контейнеров с патентными документами. `COUNCIL-72` ставит задержку до повторного заседания.

— Все три существовали в две тысячи десятом? — спросила Ася.

— Первые два — да. Третий я видел только в перечне резервных модулей. Исполняемую версию не находил.

— А вчера дом что исполнял?

— Наследственный пакет называется `SUCCESSION-MK`. Он показывает видео, открывает сейф и готовит проект решения к голосованию.

Ася указала на последний столбец таблицы. Напротив `PATENT-X` красным карандашом было написано: «НЕ ПЕРЕДАВАТЬ. КОПИРОВАТЬ. ЖДАТЬ 72». Ниже — «КОНТРОЛЬ НЕ РАВЕН НАСЛЕДОВАНИЮ».

Илья прочёл фразу дважды.

— Почерк его?

— Похож, — сказала Зоя. — Подлинность я не устанавливаю.

— Бумага могла появиться позже, — сказал Тимур. — И текст могли допечатать на старом бланке.

Ася кивнула.

— Поэтому нам нужна первичная копия.

Зоя подняла взгляд.

— Это она.

— Это бумажный дубликат регламента. Почему вы называете его первичной копией?

Архивистка сняла очки, протёрла их краем кофты и лишь потом ответила:

— Потому что оригинал был не на бумаге. Первичным считался экземпляр, который контроллер печатал при загрузке сценария. На нём получались код, контрольная сумма и время автономных часов. Подписанный лист подшивали позже. Люди путали названия, Матвей — никогда.

— Где печатный экземпляр?

— Должен быть в этой папке.

Они просмотрели каждый лист. После таблицы шли два акта тестирования, перечень уведомляемых лиц и карточка передачи в серверную. Листа с контрольной суммой не было. Зато на внутренней стороне задней обложки проступал прямоугольник более светлой бумаги и четыре ржавые точки от скоб.

— Изъят, — сказала Марина.

— Отсутствует, — сказала Зоя.

— Карточка выдачи?

Зоя нашла её в боковом кармане. Последняя запись была сделана три года назад, двадцатого ноября: «Для сверки комплектности после закрытия внутренней проверки». Получатель — `Р. В. Берест`. Возврат в тот же день, подпись Зои.

— Вы проверяли листы? — спросила Ася.

— По оглавлению. Шесть позиций, шесть разделителей.

— Не по названиям?

— Тогда нет.

Зоя произнесла это без оправдания. Оттого признание прозвучало тяжелее.

— Разделитель мог остаться вместо документа, — сказала Ася.

— Мог. После этого я и ввела полистную проверку.

Марина перестала раскачиваться.

— Мама забирала папку через шесть дней после исчезновения Матвея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.